

Михаил Антонов

Портальщик
частная практика

18+

Михаил Антонов

Портальщик. Частная практика

«Автор»

2026

Антонов М.

Портальщик. Частная практика / М. Антонов — «Автор», 2026

Продолжение истории портальщика. Андрей из нашего мира просыпается в теле юноши-простолюдина в суровом магическом мире. Забытое богами, баронство становится его тюрьмой: местный владетель, почуяв выгоду, намерен использовать уникальный дар Андрея — пространственную магию. Но барон не знает, с кем связался. Когда наемники приходят, чтобы убить ценный «актив», они гибнут, разрезанные порталами. Осознавая, что долго прятаться не удастся, Андрей начинает тайную игру. Он создает дорогие артефакты и продает их за спиной барона, копируя ресурсы для побега. У него есть особый камень возвращения и план. Портальщик, которого загнали в угол, опаснее, чем кажется. Свобода там, за гранью реальности — ровно в одном шаге от него.

© Антонов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Михаил Антонов

Портальщик. Частная практика

Глава 1

1

Огляделся по сторонам — и странное дело: комната, которая еще час назад казалась мне тюремной камерой, чудесным образом преобразилась. Мысль о том, что я могу прямо здесь, среди этих голых стен, открыть портал в любое известное мне место (конечно, кроме Имперской Академии Магии, но и без нее список был более чем внушительным), — эта мысль разом перевернула всё с ног на голову и безоговорочно улучшила мне настроение.

Я встал со стула, потянулся, чувствуя, как усталость понемногу отступает перед лицом нового, дерзкого замысла. Руки сами потянулись к нитям силы, которые и здесь, в этой глухомани, вились в изобилии, словно невидимая паутина, опутывающая мир. Я пропустил энергию через себя, привычным уже жестом потянул пространство.

Передо мной возник малый портал. И не на какой-то особой площади, а прямо в моей комнате! А в его переливающейся дымке открылся знакомый вид: порталная площадь торгового города Веленира. Солнечный свет, падающий оттуда, казался ярче и теплее здешнего. Я видел мелькающие фигуры, тот самый жизнерадостный, суетливый хаос порталной площади. Люди выходили из других порталов и растворялись в улочках, грузчики с криками тащили тюки, какой-то зазывала рекламировал свой товар. Это был глоток свободы и привычной суеты, который окрылил меня окончательно.

Тот факт, что у меня получилось открыть стабильный переход не на специальной площадке, а в четырех стенах, стал для меня настоящим откровением. Это открывало новые, поистине безграничные возможности. Я с удовлетворением осознал: отныне для меня не существует тюрем, темниц и прочих подвалов. По крайней мере, тех, где не умеют блокировать магию.

В этот самый момент в дверь комнаты постучали. Легкий, несмелый стук.

— Да, да, войдите, — отозвался я, закрывая портал.

В комнату зашла женщина приятной наружности в чистом, но простом платье и белоснежном фартуке, который сразу выдавал в ней служанку. За ее спиной виднелась тень какого-то мужчины, видимо, работника барона, оставшегося в коридоре. Женщина была молодой, лет близко к тридцати, с русыми волосами, аккуратно убранными под платок, и большими синими глазами.

— Мастер Андрей, — начала она, опустив взгляд и слегка краснея. — Уважаемый барон распорядился накормить вас обедом. Вы желаете пообедать в своей комнате? — Она немного помолчала, явно смущаясь, но собралась с духом и продолжила тише: — Или... желаете пройти на кухню?

Я всё понял. Наемные работники барона, видимо, питались все вместе, в общем помещении. Я же, хоть и был по сути таким же наемником, но мантия мастера магии делала меня фигурой другого порядка. Мне, по их устоям, полагалось отобедать отдельно, дабы не ронять свой статус. Если честно, все эти сословные заморочки были мне глубоко побоку, но ломать устоявшуюся практику сходу я не стал. Да и авторитет, даже такой зыбкий, как мой, терять было нельзя.

— Да, я поем в комнате, — ответил я как можно более доброжелательно.

— Хорошо, уважаемый мастер, я сейчас же принесу ужин, — она облегченно выдохнула, привычно сделала небольшой поклон и скрылась за дверью.

Вернулась она минут через пятнадцать, неся деревянный поднос. Аромат, шедший от него, заставил мой желудок предательски заурчать. На подносе стояла глубокая глиняная миска с дымящимся гуляшом — крупные куски нежирной свинины и говядины тушились в густом, ароматном соусе с морковью, луком и душистыми травами. Рядом лежала пышная лепешка из грубого зерна, идеально подходящая, чтобы вычерпывать со дна всю эту благодать. Но главным сюрпризом был глиняный кувшин, вмещавший, на глаз, не меньше двух литров. Я открыл крышку — и меня окутало терпким, хмельным духом. Квас или пиво было светлым, чуть мутноватым, с плотной шапкой пены и вкусом, в котором угадывались хлебные ноты и легкая горчинка полевых трав. Просто, без изысков, но невероятно вкусно и сытно.

Пока я принимался за еду, мысленно благодаря барона за радушие, в голове уже строились новые планы.

Как только я закончил с едой, тут же раздался стук в дверь. Я разрешил войти — и да, это оказалась та же самая служанка, что принесла мне ужин. Не знаю, подглядывают ли они за мной или просто действуют по распорядку, но ну да бог с ними. Она быстро и ловко убрала со стола и так же бесшумно вышла.

Не успела она закрыть за собой дверь, как в проеме появился тот самый слуга, Ганс, что привел меня в комнату.

— Мастер Андрей, барон желает видеть вас.

— Хорошо, я готов.

Мы прошли несколькими неширокими, но опрятными коридорами и вошли в небольшой, уютный зал. Это была, судя по всему, личная библиотека барона. Высокие стеллажи из темного дерева до самого потолка были уставлены книгами в кожаных переплетах и свитками. В центре стоял массивный дубовый стол, на котором горела лампа с магическим кристаллом, отбрасывая теплый, мягкий свет на разложенные карты и несколько фолиантов. Барон сидел за столом. Рядом стояли два простых, но добротных кресла.

— А, мастер Андрей! Я рад, что вы согласились встретиться со мной. Присаживайтесь, — он жестом указал на свободное кресло.

Я подошел и присел.

— Андрей, можно я буду обращаться к тебе просто по имени, когда мы наедине?

— Да, конечно, господин барон.

— Ну вот и хорошо. Так вот, Андрей, я пригласил тебя для обсуждения наших деловых отношений. И начать я хотел с того, что порталщик мне действительно был необходим. У меня есть небольшое производство и рудники, жители баронства тоже не бездельники и кое-что мастерят, но из-за удаленности от торговых центров империи транспортные расходы съедают всю прибыль. С тобой же дела пойдут куда лучше. Но встает вопрос об оплате твоих услуг.

Он сделал паузу, оценивая мою реакцию.

— Я знаю, что у Гильдии порталщиков есть расценки. Но платить по гильдейскому тарифу я сейчас не могу. Поэтому предлагаю такой вариант: я буду платить тебе четыре обола за каждое открытие портала.

Предложение, мягко говоря, не порадовало. Я собрался возражать, но барон поднял руку.

— Подожди, Андрей, я не закончил. Я еще не полностью описал условия. Ты будешь совершенно бесплатно проживать в моем замке. Я обеспечу тебе достойное пропитание, комфортные условия и, что немаловажно, относительную безопасность и защиту.

Тут я всё понял. Магистр Элриан — а скорее всего, тот самый Горм — уже поведал барону всю историю с дуэлью и моим «особым» положением. И барон намерен этим воспользоваться: предлагает мелочь в обмен на крышу над головой и своё покровительство. Но я не собирался сдаваться так легко.

— Хорошие условия, господин барон, — начал я вежливо. — Но позвольте уточнить. Как много порталов мне предстоит открывать и с какой периодичностью? И что мне будет дозволено делать в свободное от работы время?

— Хороший вопрос, Андрей. Изначально я планировал использовать твои услуги для сопровождения караванов. То есть ты открываешь портал, караван уходит, скажем, в торговый город, ты дожидаясь, пока мои люди завершат дела, и открываешь портал для возвращения. Но, — он многозначительно посмотрел на меня, — в связи с твоими... проблемами с посещением определенных мест, этот вариант не идеален.

Он намекал на запрет появляться в столице. Я кивнул.

— Поэтому я думаю, мы можем сделать так, — продолжил барон. — Утром ты открываешь портал, караван проходит. А к вечеру или к обеду, а возможно, в другое условленное время, ты открываешь портал обратно, со стороны баронства, и мои люди возвращаются. Пока начнем с этого.

— Итого, два портала в день, — подвел я итог. — И восемь оболов. С уважением, господин барон, но этого недостаточно.

— Десять, Андрей, — сказал он твердо. — И всё твоё оставшееся время — твоё. Можешь заниматься чем хочешь.

— Десять... — задумчиво повторил я, делая вид, что взвешиваю. — Десять оболов в день — это очень мало, даже с учетом бесплатного проживания и еды. Особенно если учесть, что свободное время я планирую потратить на развитие. На развитие самого себя, как порталщика.

Барон наклонил голову, заинтересовавшись.

— О? На что же именно?

— Видите ли, господин барон, порталщик не может открыть портал в город, где никогда не был. Мне нужно нарабатывать привязки. Посещать новые города. А для этого нужны деньги на переходы через порталы других мастеров, на возможные расходы на месте. Я смогу открывать больше порталов в новые города, если буду их знать. А чтобы узнать новые города, мне нужно путешествовать. На это нужны деньги. Вместо пяти известных мне городов я смогу предлагать вам двадцать. Ваши торговые пути станут гибче, маршруты — короче, конкуренты останутся далеко позади. Но для этого мне нужен капитал, не менее 15 оболов в день. Не из жадности, а для профессионального роста.

Я видел, как в глазах барона мелькнул живой, деловой интерес. Он откинулся в кресле, потер подбородок.

— Ты говоришь убедительно, Андрей. Разумный довод. Десять оболов — это действительно просто содержание. Но пятнадцать... Это уже серьезная сумма для ежедневных выплат.

— Давайте посчитаем иначе, господин барон, — я решил пойти в контратаку. — Гильдия берет с торгового каравана минимум сорок оболов за переход в один конец. Вы предлагаете мне вдесятеро меньше за две стороны. Да, вы даете кров, но вы также получаете стратегическое преимущество. Пятнадцать оболов в день — это не просто плата за два портала. Это инвестиция в вашего собственного, личного порталщика, чья ценность для баронства будет только расти. И эта сумма позволит мне начать расширять свою сеть уже завтра. Представьте: через месяц я смогу доставить ваш металл напрямую в порт Сальварии, минуя три перевалочных пункта. Экономия на логистике окупит мою ставку за неделю.

Барон перевел взгляд на Ганса, потом снова на меня. На его лице боролась расчетливость хозяина с пониманием перспективы.

— Четырнадцать, — сказал он наконец. — За этот месяц ты открываешь мне два портала в день по моему графику и показываешь, как минимум, две новые, полезные для моей торговли точки на карте. Если результат меня устроит — обсудим увеличение. Если нет... вернемся к обсуждению условий.

Я понимал, что это хороший компромисс. Я выбил почти вдвое больше изначальной суммы и получил намек на хорошие перспективы.

— Согласен. Четырнадцать оболов в день, с условием демонстрации результата.

— Вот и прекрасно! — Барон улыбнулся в ответ, и на этот раз в его улыбке было меньше расчетливости, а больше предвкушения нового дела. — Думаю, мы начинаем взаимовыгодное сотрудничество, Андрей.

В продолжение разговора барон сделал неувимое движение рукой и достал из ящика стола книгу. Она была толщиной с обычную общую тетрадь, в переплете из потертой темной кожи, без каких-либо украшений.

— Вот, Андрей, — сказал он, протягивая ее. — «Трактат о манипуляции нитями» магистра Альдрика. В этой книге, среди прочего, есть описания и пространственных техник. Учитывая твоё стремление к развитию, тебе это будет полезно.

Я бережно принял протянутую книгу, ощутив под пальцами шершавую кожу. Но вместе с тем внутри что-то сжалось. Со смущением я потупил взгляд, разглядывая непонятные завитки на корешке.

— Андрей, что-то не так? — спросил барон, заметив мою реакцию.

— Уважаемый барон... — мне пришлось вынудить себя сказать это. — Сложилось так, что сам я из селян. И... не грамотен.

Барон замер, его брови поползли вверх.

— Подожди, как неграмотный? Ты же выпускник магической академии! Тебе же присвоено звание мастера!

— Так получилось, — пробормотал я, чувствуя, как жар поднимается к щекам. — Мастера мне дали за проявленное мастерство в пространственной магии. Конкретно — за успехи в построении транспортных порталов. Теории нам давали мало, сразу начались практические занятия. Ну и из-за одной сложившейся ситуации, о которой, я уверен, вам рассказали.

— Да... — протянул барон, и на его лице отразилось искреннее изумление, смешанное с иронией. — Очень интересно. Из Академии выпустили, а грамоте не обучили.

Он немного подумал, постукивая пальцами по столу, а затем его лицо озарила улыбка, и он хлопнул ладонью по столешнице.

— Не беда, парень! Ты толковый, а с грамотой я тебе помогу.

Барон поднялся со стула, давая понять, что аудиенция закончена. Я поспешно встал, держа книгу в руке.

— Значит так, мастер Андрей. Ты пока возвращайся в свою комнату, отдыхай. А завтра утром соизволь быть готовым продемонстрировать свои навыки. К этому времени будет готов торговый караван.

Я краем глаза заметил, как в библиотеку бесшумно вошел тот самый слуга, Ганс. Я еще раз поблагодарил барона за книгу, развернулся и пошел следом за слугой, чтобы вернуться в свою комнату, чувствуя в руках и драгоценный груз, и груз новой, неловкой проблемы.

Едва дверь библиотеки закрылась за Андреем, барон Вальтер фон Хольцберг вышел в коридор. Там его уже ждала супруга, Илона. Она была женщиной поразительной, утонченной красоты: тонкие брови, большие карие глаза, в которых сейчас светилось легкое недовольство, и прямой, словно выточенный, нос. Ее темные волосы были убраны в сложную, но элегантную прическу, а платье из темно-синего бархата подчеркивало изящный стан.

— Вальтер, — начала она, едва он приблизился, и в ее мягком голосе слышалась укоризна. — Ты только что отдал весьма ценную книгу магистра Альдрика какому-то... пришлому юнцу. Бесплатно. Объяснись, пожалуйста.

Барон мягко улыбнулся, взял супругу под руку и повел ее по коридору к их личным покоям.

— Дорогая Илона, всё продумано. Этот «юнец» — мастер-портальщик, редчайшая диковина. Но служить он нам будет не так много, как хотелось бы. Торговых караванов, которые можно отправлять ежедневно, у нас не так много. И тогда у меня родилась мысль.

Он приоткрыл дверь в их гостиную.

— Я вручил ему книгу не просто так. В «Трактате» помимо пространственных техник подробно описаны основы создания артефактов. В том числе — с применением пространственной магии. Мне нужно было оценить его. И я оценил. Он любопытен, жаждет развиваться, но при этом... неграмотен.

Илона внимательно слушала, ее недовольство постепенно сменялось интересом.

— Ты хочешь... научить его создавать артефакты? — уловила она суть.

— Мягко направить, — поправил Вальтер. — Пусть учится, экспериментирует. А потом мы будем выкупать у него удачные изделия. И перепродавать. С существенной наценкой. Портальные сумки, ящики с замкнутым пространством, а возможно, и перстни перемещения... Спрос на такие вещи среди купцов и знати огромен, а предложения — мизерны.

— Но неграмотность... — задумчиво произнесла Илона.

— Именно! — глаза барона блеснули. — И здесь, моя дорогая, я прошу у тебя совета. Нужна служанка. Грамотная, умная, терпеливая и... приятной наружности. Чтобы обучить его азам чтения и письма. И, возможно, немного большему.

Илона снова посмотрела на мужа, и теперь в ее глазах читалось уже полное понимание и одобрение.

— Чтобы заинтересовать его не только знаниями, но и... амурными делами? Молодой, здоровый мужчина, вдали от дома... И если удачно его женить на нашей же, проверенной девушке...

— Он будет привязан к баронству накрепко, — закончил мысль барон. — Дом, жена, будущие дети. Наши интересы станут его интересами. А его растущее мастерство — нашим активом.

Илона мягко рассмеялась и потянулась, чтобы поправить прядь волос на виске у мужа.

— Вальтер, иногда твоя расчетливость граничит с коварством. Но нельзя не признать — план твой прост и элегантен. Как хорошая шахматная комбинация. Я подумаю над кандидатурой.

Барон обнял супругу за плечи, глядя в окно на темнеющие башни своего замка. Фигура одинокого мастера-портальщика, идущего по двору, обретала в его глазах новые, очень четкие и многообещающие очертания.

Глава 2

2

Ганс вел меня теми же неширокими, выщербленными временем коридорами обратно в мои апартаменты. И вот он внезапно остановился у неприметной дубовой двери и молча, лишь движением головы, указал на неё. У меня чуть дыхание не сперло от удивления — мне показалось, что он умеет читать мысли, потому что в этот самый момент я думал только об этом. Малая нужда после ужина и волнений начала ощутимо напрягать, и перспектива искать отхожее место в незнакомом замке не радовала.

Зайдя в небольшую, но чистую комнатку с каменной воронкой и ведром с золой, я наконец смог расслабиться. С облегчённым вздохом и уже с поднявшимся настроением я вышел и буквально через десяток шагов оказался у своей комнаты.

Войдя внутрь, я обнаружил на столе новый сюрприз. Деревянная миска была накрыта белой льняной тряпицей, а рядом стоял небольшой глиняный кувшинчик. Любопытство взяло верх. Заглянув под ткань, я увидел три аккуратных, румяных пирожка. В кувшинчике плескался напиток цвета тёмного мёда, от которого пахло хлебной коркой и чем-то ещё, похожим на квас, но с более глубоким, солодовым ароматом — возможно, это было лёгкое пиво.

Я положил драгоценную книжицу на стол, устроился на стуле и принялся за неожиданный перекус. Пирожки оказались с картошкой и мясом — гусиным, как мне показалось. И тут меня накрыло волной воспоминаний. Вот точно такой же вкус, такая же сочная, чуть жирноватая начинка и хрустящее тесто были у треугольников, которые я пробовал... в Казани, кажется, в какой-то столовой на вокзале. Очень вкусно, даже слишком по меркам этого мира.

С напитком вышло интересно. На вкус — действительно, хороший, плотный квас, но с явной, хотя и не сильной, алкогольной ноткой. В моём желудке после ужина поместилось лишь два пирожка, третий я благоразумно отложил на утро. В кувшинчике было не меньше полутора литров, и, существенно опустошив его, я почувствовал приятную, тёплую расслабленность, разливающуюся по телу. Усталость дала о себе знать.

Я разделся и лёг на кровать, укрывшись грубым, но чистым шерстяным одеялом. Тишина в комнате была непривычной, гулкой. И я осознал, к чему привык за эти дни в Академии: к мирному шелесту пергамента и скрипу пера Лориэна, засиживающегося за своими изысканиями, и к храпу Торина. Здесь же была только тишина, нарушаемая редкими шагами в коридоре и далёким воем ветра за стенами. Я немного поворочался, пытаюсь найти удобное положение, и в конце концов провалился в сон.

Проснулся утром от лёгкого, но настойчивого стука в дверь. Торопливо сбросил с себя одеяло, в темноте нащупал одежду, накинул мантию и сиплым от сна голосом произнёс:

— Входите.

Гостьей оказалась та же самая служанка, что приносила ужин. Да и пирожки с квасом, подозреваю, были делом её рук.

— Мастер Андрей, разрешите предложить вам умыться. И... я принесла вам завтрак.

— Да, пожалуйста, — это было единственное, что я смог произнести, всё ещё находясь под впечатлением от такого сервиса.

Женщина зашла. В одной руке у неё было небольшое деревянное ведёрко, от которого шёл лёгкий пар — вода была тёплой! В другой — тазик, в котором лежала плоская тарелка, накрытая всё той же белой тряпицей, и медная ёмкость с крышкой. Она поставила принесённое на стол, отошла в сторонку, поставила тазик на табурет и замерла, держа ведёрко в обеих руках, с почтительным опущенным взглядом.

Я на секунду завис, пытаюсь понять, что от меня требуется. Ага, в этом мире не было привычных мне умывальников. Я подошёл, и она, точно зная, что делать, наклонила ведёрко, чтобы тонкой струйкой лить мне воду на сложенные лодочкой ладони. Вода была чуть тёплой, приятной. Поблагодарив, я взял полотенце, которое она предусмотрительно положила рядом, и обтёрся. Служанка молча забрала ведёрко и тазик и, сделав лёгкий поклон, покинула комнату, оставив меня наедине с завтраком.

Приподняв тряпицу, я увидел восхитительное зрелище: яичницу-глазунью из двух крупных яиц с чуть подрумяненными желтками и пару душистых, обжаренных до хрустящей корочки колбасок. В медной ёмкости оказался снова напиток, тёплый, с насыщенным травяным букетом и явной сладостью мёда. Я с почти что благоговением принялся за еду.

Едва я отставил в сторону пустую тарелку, запив последний кусок глотком медового напитка, в дверь снова постучали. «Следят, что ли?» — мелькнула у меня мысль с лёгкой досадой.

— Войдите.

На этот раз гостем оказался слуга Ганс. Его лицо, как обычно, не выражало никаких эмоций.

— Мастер Андрей, барон ожидает вас у главных ворот крепости. Караван готов к отправке.

Я последовал за Гансом через внутренний двор к главным воротам. Барон Вальтер фон Хольцберг уже ждал меня там. Он вежливо кивнул мне в ответ на моё приветствие, затем развернулся и уверенным шагом направился к небольшой поляне у подножия крепостной стены. Это место, как я понял, и должно было служить нам импровизированной портальной площадью.

И площадь эта уже кипела жизнью. На ней стоял «торговый караван» — в кавычках, потому что это было нечто гораздо более живое и пёстрое, чем я ожидал. Я насчитал семь телег, запряжённых мохнатыми лошадками. Повозки были гружены доверху мешками (наверное, с зерном или рудой) и тюками в грубой ткани. Но поразили меня не они.

Вокруг телег толпились люди. Десятки людей. Мужики в посконных рубахах, согнувшись под тяжестью заплечных мешков, набитых то ли луком, то ли чесноком. Кто-то толкал перед собой скрипучую тачку на деревянных колёсах, доверху нагруженную аккуратно сложенными поленьями — видимо, дрова здесь тоже были ходовым товаром. Женщины, придер-

живая на головах или неся в руках плетёные корзины, откуда доносилось тревожное квохтанье кур и гоготание гусей. Одна девушка, совсем юная, с большим плоским лотком, накрытым яркой пёстрой тряпичей, удерживала его за ремешок, перекинутый через шею. Под тканью, вероятно, прятались пироги или ещё что-то кулинарное. И все они — от возничего на телеге до старушки с курицей под мышкой — смотрели на меня. В их взглядах не было скепсиса, как у столичных горожан, а лишь тихое, почти благоговейное ожидание чуда. Их надежда на сегодняшний заработок висела сейчас на мне.

— Вот, мастер Андрей, — голос барона вернул меня к реальности. — Приступайте, прошу вас. Откройте портал в торговый город Веленир.

Здесь не было привычной жёлтой линии, оглушительного шума и энергетического гула столичной порталной площади. Была лишь тишина, нарушаемая фырканьем лошадей и сдержанным перешёптыванием толпы. Я сделал глубокий вдох, понемногу успокаивая бег мыслей. Прищурился. Магическое зрение открыло передо мной знакомую паутину силовых линий — благо, местная природа была щедра на силовые нити. Я ухватил пучок, ощутил знакомое напряжение и потянул.

Средний портал открылся... неохотно. Не так плавно и быстро, как в столице или даже в своей комнате. Сразу стало ясно — расстояние до Веленира было действительно огромным. Края арки мерцали, пытаясь вырваться из-под контроля. «Ну что ж, — подумал я, чувствуя, как нарастает сопротивление. — Новый вызов. Новый опыт». Мысленно я представил, как другой рукой захватываю ещё один, более глубокий и мощный пучок нитей. Пропустил через себя двойной поток магии. И наконец, с ровным, низким гудением портал стабилизировался, превратившись в широкую, устойчивую арку среднего размера. Я отступил на шаг, пропуская взглядом в мерцающую дымку знакомые очертания шумных улиц Веленира.

— Готово, господин барон. Портал открыт, — произнёс я, стараясь, чтобы в голосе не слышалось напряжения.

Барон лишь кивнул, удовлетворённо окинув взглядом своё детище. И тут вперёд выступил тот самый активный мужичок в добротном кафтане — видимо, староста или главный приказчик. Он начал организовывать хаос, превращая его в подобие колонны.

— По порядку! Телеги вперёд! Не толпись! Эй, ты с тачкой, пропусти бабу Рафу с гусями, они ей покою не дадут! — его голос резал воздух, и люди послушно зашевелились.

И вот караван двинулся. Это было зрелище. Скрипели колёса тяжёлых телег, лошади фыркали, осторожно ступая в сияющий разлом. Мужики, кряхтя, поправляли мешки на спинах и шагали следом. Женщины, прижимая к себе корзины с птицей, бросали взгляды на стены замка, прежде чем шагнуть в неизвестность. Девушка с лотком ловко проскочила между телегами, её яркое платье мелькнуло, как всполох. В воздухе стоял густой гомон: крики погонщиков, квохтанье птицы, обрывки разговоров о ценах и удаче, смех и вздохи.

И тут из-за угла крепостной стены послышались отчаянные крики:

— Погодите! Погодите ж!

— Братцы, придержи коней!

На поляну, задыхаясь и размахивая руками, высыпала ещё кучка опоздавших. Пожилая чета тащила между собой большой узел. Подросток нёс клетку с кроликами. Ещё одна женщина бежала с охапкой вышитых рубах. Их лица были искажены страхом опоздать на праздник жизни.

И вот, наконец, последняя телега скрылась в переливах, за ней, пятась и оглядываясь, прошли опоздавшие. Портал опустел. Я почувствовал, как силы стремительно покидают меня. Сжав волю в кулак, я мысленно отпускал нити, питающие портал.

Портал захлопнулся. Я автоматически провёл рукавом мантии по лбу, сметая выступивший пот.

Барон, наблюдавший за всей процедурой, оценивающе кивнул. В его взгляде я прочитал понимание — он видел, что работа была не из лёгких.

— Благодарю вас, мастер Андрей, — произнёс он с искренним уважением в голосе. — Хорошо проделанная работа. Теперь — отдыхайте и набирайтесь сил до обеда.

С этими словами он развернулся и неспешным, уверенным шагом направился обратно к воротам крепости, оставив меня на опустевшей поляне с чувством глубокого удовлетворения и приятной, хоть и выматывающей, усталости. Первая задача была выполнена.

Я вернулся в свою комнату, снял мантию мастера и с тихим стоном облегчения прилёг на кровать. Не то чтобы я выдохся окончательно, но странная смесь сосредоточенного напряжения и последующей разрядки требовала просто поваляться, дать мыслям улечься.

Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь небольшое оконце, выхватывали из полумрака пылинки, танцующие в воздухе, и только сейчас я обратил внимание на стены. Вчера, в сумерках и после всех волнений, я их толком и не разглядел — показались голыми. А они, оказывается, расписаны. Их расписали аккуратно, даже изящно. По светлой штукатурке вились тонкие, переплетающиеся линии, складывающиеся в растительный орнамент: стилизованные листья папоротника, колосья, какие-то полевые цветы. Краски были неяркими, приглушёнными — охра, изумрудная зелень, — но от этого узор выглядел ещё более уютным и завершённым. Значит, барон выделил мне не каморку для прислуги, а вполне приличную, скорее всего гостевую, комнату.

Но едва я начал погружаться в это умиротворённое созерцание, в дверь снова постучались. Меня это слегка взволновало, и где-то глубоко внутри шевельнулось раздражение — неужели нельзя дать человеку просто отдохнуть? Я приподнялся с кровати, накинул мантию, поправил складки и, стараясь, чтобы в голосе не звучало досады, произнёс:

— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появилась девушка. Она была одета в простое, но чистое платье нежно-голубого цвета и белый, безупречно отглаженный передник. На её светло-русых, аккуратно убранных волосах красовался маленький белый чепчик. Лицо её было милым и открытым, с большими серо-зелёными глазами, в которых читалась смесь робости и решитель-

ности. В руках она держала довольно большую, но при этом удивительно тонкую книжицу в картонном переплёте.

— Доброго дня, мастер Андрей, — произнесла она, делая небольшой, но очень правильный реверанс. Голос у неё оказался тихим и мелодичным. — Меня зовут Лиана. Я пришла по поручению госпожи баронессы Илоны, чтобы... помочь вам освоить грамоту.

Вот оно что. Барон оказался человеком слова. Я сбросил остатки раздражения — как можно сердиться на такое?

— Лиана, — сказал я тепло, вставая. — Очень приятно. И я чрезвычайно благодарен и вам, и господину барону за такую заботу. Прошу, присаживайтесь.

Я показал на второй стул у стола. Она кивнула, чуть покраснев, и осторожно заняла место. Я сел рядом. Она бережно раскрыла книгу на первой странице, и я увидел крупные, чёткие буквы и... картинку. Яркую, нарисованную от руки акварелью.

— Это... детская сказка? — не удержался я, почувствовав одновременно и неловкость, и любопытство.

— Да, мастер Андрей, — Лиана смущённо улыбнулась. — «Сказка о Храбреце-Зайце и Хитрой Лисе». Так начинают все дети в баронстве. Буквы здесь большие, слова простые, а сюжет... он помогает запомнить. Если, конечно, вы не против.

«Храбрец-Заяц и Хитрая Лиса». Звучало сюрреалистично в контексте моей нынешней жизни, полной магии, интриг и порталов. Но в этой простоте была какая-то трогательная чистота.

— Я совсем не против, Лиана, — честно ответил я, чувствуя, как на душе становится спокойнее. — Начнём с самого начала.

Она кивнула, и её палец с аккуратно подстриженным ногтем лёг на первую, размашистую букву в начале текста. Урок начинался.

Войдя в замок, барон Вальтер фон Хольцберг кивнул замершему в ожидании Гансу и уверенным шагом направился в малую гостиную, где его неизменно ждали чай, покой и — что куда важнее — мудрый и едкий взгляд супруги.

Илона сидела за небольшим столиком у окна, вышивая что-то мелким, почти ювелирным бисером. Лучи солнца играли в её тёмных волосах и золотили бледную кожу. Услышав шаги, она подняла глаза, и в их глубине тут же мелькнула знакомая барону хитринка.

— Ну что, мой господин барон? — спросила она, откладывая пальцы. — Как успехи нашего нового, драгоценного приобретения? Не разочаровал молодой мастер?

Вальтер плюхнулся в кресло напротив, с наслаждением вытянув ноги. Увидев её игривое настроение, он и сам позволил улыбке растянуть губы под усами.

— О, Илона! Это было зрелище! — начал он, и его голос, обычно такой сдержанный и деловой, зазвучал ярко, почти по-актёрски. — Представь себе: стоит он посреди поляны, весь такой важный в своей новой мантии, а вокруг — все наши селяне, разинув рты. Собрал силу — и р-раз! Воздух задрожал, и появилась эта... эта арка портала! Поначалу она, знаешь ли, дрогнула, замерцала — я уж подумал, сейчас всё схлопнется с треском. Но нет! Парень вцепился в свою магию, — барон сжал кулак в воздухе для наглядности, — и удержал! Расправил, укрепил. Твёрдая, ровная арка. Впечатляет, должен сказать.

Он взял поданную ему чашку с ароматным травяным настоем и продолжил уже с откровенной, добродушной насмешкой:

— А уж как эти наши простолюдины «организовались»! Это надо было видеть! Толкотня, гам, крики! Тащат кто что может: одна баба — гусей под мышками, будто это её драгоценные дети, другой мужик — вязанку дров на спине, словно он весь лес за собой привёл! Тачки скрипят, девки с пирогами, ребяшня с клетками кроликов мечется... Чего там только не было! От грубых табуреток до старых подков! Весь свой скромный скарб понесли, будто на ярмарку. — Он качнул головой, но в его голосе не было презрения, а скорее снисходительная, почти отеческая доброта, с которой говорят о малых детях, впервые выехавших в большой мир.

Илона слушала, прикрыв улыбку краем платка.

— И много их собралось?

— О, да! На все семь телег, что я снарядил, да ещё, думаю, с полсотни пеших набралось. Каждый надеется хоть медяк выручить. И вот что главное, — барон поставил чашку, и его голос стал снова деловым, но с горящими глазами. — Каждый из них, кто что-то продаст, заплатит мне торговый сбор. С оболы, с медяка. Но если сложить всё это... Я уверен, расходы на четырнадцать оболы мастеру покроются с лихвой. А главное — они теперь видят возможность. Увидят, что их лук, их гусь, их дрова можно не просто тут, за бесценок сбыть, а отвезти в настоящий город и получить настоящую цену. Это лучший стимул для производительности, лучше любой вдохновляющей речи. Они начнут больше выращивать, больше мастерить, больше копить. И каждый раз, отправляя свой товар через портал, будут пополнять нашу казну. Ещё один стабильный, пусть и небольшой, ручеёк серебра, моя дорогая. Ручеёк, которого у нас раньше не было.

На лице его играло удовлетворение не только хозяина, придумавшего выгодную схему, но и правителя, который, возможно, нашёл ключ к тому, чтобы его забытое богом баронство потихоньку начало оживать.

— Так что, — заключил он, снова поворачиваясь к супруге, — наше «драгоценное приобретение» может оказаться куда ценнее, чем мы думали. Принесёт не только прямую пользу, но и... запустит кое-какие полезные процессы.

Глава 3

3

Имперская письменность оказалась забавной штукой. На первый взгляд она напоминала арабскую вязь из моего мира — те же затейливые завитки и соединения между буквами. Но, к моему облегчению, читать и писать здесь было принято слева направо, как у меня на родине. Так что единственной сложностью оставался сам незнакомый алфавит, который предстояло выучить с нуля.

Сама книжка была однозначно детской. Страницы из плотного пергамента, слова — простые, а буквы — крупные, будто специально для неумелых пальчиков. Обучаться чтению в таких условиях было более чем приятно. И причина была не только в книге.

Рядом со мной сидела Лиана. Девушка сама по себе была очень симпатичной, с ясными глазами и лёгким румянцем на щеках. И от неё исходил тонкий, едва уловимый аромат — не духи в моём понимании, а что-то природное, цветочное, смешанное с запахом свежего белья и мыла. Это было неуловимо и приятно.

Процесс был простым и почти медитативным. Она аккуратно водила пальцем под строчкой, и её тихий, мелодичный голос произносил слово по слогам:

— Ко-ро-лев-ский...

— Ко-ро-лев-ский, — старательно повторял я, ощущая, как непривычные звуки складываются на языке.

— За-яц...

— За-яц.

— Молодец. А теперь вместе: Королевский заяц.

Сюжет сказки был незамысловат и идеально вписывался в реалии этого мира. Жил-был не простой заяц, а Королевский Заяц — самый быстрый и умный в Лесном Королевстве. А был у него заклятый враг — Хитрая Лиса, которая мечтала заполучить его пост главного скорохода и доверенного лица Короля-Оленя. Не силой — силой её не взять, а коварством. Она подстроила так, что Зайца обвинили в краже волшебных золотых желудей из королевских кладовых. Чтобы доказать невиновность, Зайцу пришлось не просто бегать, а думать: искать следы, расспрашивать мудрую Сову, расшифровывать знаки на коре деревьев и в конце концов устроить ловушку для настоящего вора — воровки Сороки. Всё заканчивалось хорошо: Заяц был оправдан, Лиса изгнана за пределы королевства, а мораль была проста: «Смелость — не в силе ног, а мудрость — в силе ума».

Чтение шло медленно, но верно. Я ошибался, путая похожие завитушки, обозначающие, например, «с» и «ш». Лиана никогда не перебивала резко, лишь мягко касалась страницы рядом со словом:

— Здесь, кажется, не «шо-рох», а «со-ро-ка». Слушайте внимательнее звук.

И я слушал. Слушал её голос, вникал в детскую историю про зверей, и потихоньку заколючки начинали обретать смысл. Мы осилили всю сказку примерно за два часа. Когда я прочёл последнее предложение — «И с тех пор в Лесном Королевстве все знали, что честность и ум важнее самой быстрой лапы» — меня охватило странное чувство гордости. Я, взрослый мужчина в теле подростка, мастер магии, только что самостоятельно прочёл свою первую книгу в этом мире.

И снова, будто по волшебному сигналу, едва мы закрыли книгу, в дверь постучали. «Определённо за мной присматривают», — промелькнула мысль, но уже без раздражения, а скорее с привычной иронией.

— Войдите.

В комнату вошла знакомая служанка — та самая, что приносила ужин и завтрак. На её подносе дымилась глубокая глиняная миска и стоял знакомый кувшинчик.

— Мастер Андрей, обед, — сказала она, ставя еду на стол.

Она приподняла крышку с миски, и аромат ударил в нос — густой, наваристый, с дымком.

— Суп гороховый с копчёностями, — пояснила она.

«Суп» — это было скромно сказано. Передо мной было настоящее рагу: густая, почти как пюре, масса из разваренного картофеля, в которой утопали крупные куски моркови, лука и, самое главное, кусочки мяса и ломтики невероятно ароматной копчёной грудинки. Рядом лежал ломоть свежеспечённого хлеба. В кувшинчике, как я и ожидал, находился тот самый хмельной квас.

Я искренне улыбнулся, глядя то на одну, то на другую девушку.

— Благодарю вас обеих, — сказал я. — И мою терпеливую учительницу, и мою заботливую кормилицу.

Они смущённо переглянулись, Лиана легонько покраснела, обе поклонились и почти синхронно выскользнули из комнаты, оставив меня наедине с дымящимся «супом» и приятным чувством первого, пусть и маленького, но собственного достижения в этом новом этапе жизни.

Сытый, довольный и слегка разогретый хмельным квасом, я покинул свою комнату, решив немного прогуляться. Мысль застрять в четырёх стенах после такого насыщенного утра и обеда казалась преступлением. Я намеревался осмотреть окрестности замка, а может, и выйти за его стены.

Вышел во внутренний двор замка. Здесь царил деловая суeta: слуги таскали дрова, конюх чистил лошадь у коновязи, у колодца громко переговаривались прачки. Осмотревшись и не найдя ничего особенно примечательного, я направился к главным воротам. На этот раз я был один, без Ганса или барона, и, подходя к двум стражникам в простых кольчугах, я внутренне немного напрягся, готовясь к вопросам.

Но мои опасения были напрасны. Стражи, заметив мою синюю мантию мастера, лишь слегка козырнули, едва заметно склонив головы. Звание мастера, видимо, работало как пропуск. Я кивнул им в ответ и беспрепятственно вышел за могучие стены.

Первым делом я подошёл к той самой поляне, где утром открывал портал. Она была пуста, лишь примятой травой и следами колёс отмечала недавнее оживление. И тут меня осенила идея. А что, если использовать порталы не для дальних путешествий, а как... мгновенный шаг? Как средство личного, сверхбыстрого перемещения на короткие дистанции? По сути, открыть портал здесь, а выход — на расстоянии, которое я могу чётко видеть и зафиксировать мысленно как якорь.

Я выбрал ориентир — одинокую, корявую сосну метрах в трёхстах, на краю леса. Не нужно представлять шумные улицы города, достаточно просто... её образ. Взгляд, ухватить пучок силы, лёгкий рывок воли. Воздух передо мной дрогнул, и возник малый портал. А сквозь его мерцающую пелену я увидел ствол той самой сосны, будто вставший в раму. Сердце ёкнуло от азарта. Шаг — и я уже стоял на мягкой хвойной подстилке у её корней, ощущая резкую смену запахов. Успех!

Не давая волнению угаснуть, я тут же отыскал новый ориентир — придорожный куст метрах в двухстах впереди, у изгиба грунтовой дороги. Снова — концентрация, чуть более лёгкий теперь рывок, и вот я уже чувствую под ногами пыльную дорогу, а замок с моей исходной точки выглядит уже меньше. «Неплохо, — мысленно похвалил я себя, чувствуя прилив уверенности. — Очень неплохо». Последним порталом, уже почти не задумываясь, я вернулся на пустырь у стен, завершив импровизированный треугольник. Напряжение было минимальным, почти игровым. Этот навык мог пригодиться. Очень.

Тем временем в гостиной баронесса Илона фон Хольцберг вызвала к себе Лиану. Девушка вошла, смущённо поправив безупречный передник и чепчик, и сделала реверанс.

— Ну что, дитя моё, — начала Илона, откладывая вышивку. — Как продвигается обучение нашего гостя? Не сильно ли он тебя утомляет?

— О, нет, госпожа! — Лиана поспешно замотала головой, и на её лице вспыхнул лёгкий румянец. — Всё совсем наоборот. У мастера Андрея... у него всё неплохо получается. Очень неплохо. Буквы он осваивает быстро, складывает их в слоги почти без ошибок. Это... — она замялась, подбирая слова.

Баронесса, уловив колебание, прищурилась.

— Не молчи, Лиана. Говори, что думаешь. Я ценю твою наблюдательность.

— Просто... — служанка опустила глаза. — Мне кажется, он уж очень легко обучается. Слишком легко для того, кто никогда не знал грамоты. Он не путает направление письма, не теряется, когда буквы соединяются... Словно... словно он когда-то уже это знал, но забыл. Или... — она рискнула поднять взгляд, — или он не имперец, госпожа. Прибыл к нам откуда-то очень издалека, из краёв с другой письменностью. Поэтому алфавит для него нов, но сама идея чтения — нет. Уж больно легко у него всё получается.

Лицо баронессы Илоны стало задумчивым, а в глазах загорелся холодный огонёк. Она мягко кивнула.

— Благодарю тебя, Лиана. Ты была очень внимательна. Можешь идти. И продолжай занятия как ни в чём не бывало.

Когда девушка вышла, баронесса ещё какое-то время сидела неподвижно, глядя в окно, где далеко внизу, у стен замка, можно было разглядеть одинокую фигуру в серой мантии. Потом она решительно поднялась. Этот вопрос определённо стоило обсудить с Вальтером. Их новый порталщик мог оказаться куда интереснее — и, возможно, сложнее — чем они предполагали. Просто «неграмотный селянин» не обучался бы с такой неестественной скоростью. В его прошлом явно крылась какая-то тайна.

Я прервал свою увлекательную практику по порталному перемещению и поспешно вернулся на полянку у стен замка по одной простой причине: я чуть не забыл про своё обещание барону. После обеда нужно было открыть портал для возвращения торгового каравана из Веленира. Представить, что все эти люди, нагруженные товаром или деньгами, будут томиться на чужой площади в ожидании, а я в это время буду играть в чехарду с пространством... Вышло бы крайне некрасиво и непрофессионально.

Открыть портал во второй раз, в уже знакомую точку в том же городе, оказалось ощутимо легче. Арка среднего портала возникла передо мной ровная, стабильная, без намёков на утреннюю дрожь. Контролируя портал, я наклонился и просунул голову в мерцающую дымку.

Меня окутал знакомый шумный гам Веленира. И сразу же, метрах в двадцати, я увидел наш караван. Телеги стояли в тени у крепостной стены, люди сидели на земле или бродили неподалёку. Я отыскал взглядом старшего — того самого бойкого мужика в кафтане. Поймав его глаз, я призывно помахал рукой.

Его лицо озарила широкая, беззубая улыбка.

— Эй, народ! Мастер вернулся! Портал открыт! Собирайся, живее! — заорал он, размахивая руками, и замершая было процессия мгновенно ожила.

И вот они потянулись обратно. Картина была разительно иной, чем утром. Если тогда люди шли с напряжённой надеждой, то сейчас возвращались с откровенным, шумным довольством. Гул весёлых голосов, смех, возбуждённые перекрикивания — всё это вырывалось из портала вместе с ними.

— ...а он мне и говорит: «За такую шкурку три обода? Да ты с ума сошёл!». А я ему: «Сам с ума сходи, она же без единой дырки!». И отдал за четыре! Четыре, представляешь?! — кричал один мужик другому, похлопывая по тюку с чем-то мягким.

Женщина, та самая, что утром несла гусей, теперь бережно разглядывала и демонстрировала соседке отрез нежно-голубой ткани.

— Глянь-ка, пряжа-то какая ровная! На сорочку мужу — загляденье! И всего за полтора обода осталось, ещё и на гребень медный хватило!

Какой-то паренёк, сидя на задке телеги, с блаженным видом уплетал огромный, с его ладонь, пирожок, облизывая пальцы и что-то бормоча себе под нос от удовольствия. А один мужичок в потёртом, но добротном кафтане, устроившись поудобнее на мешке, с философским видом прихлёбывал что-то янтарное из пузатой бутылки зелёного стекла, изредка согласно кивая окружающему веселью.

Караван в полном составе, шумя и галдя, пересёк портал и вывалился на родную полянку. Старший, отойдя в сторонку, вытащил из-за пазухи деревянную табличку и грифель и начал обход. Процесс был похож на сбор налога, доли барона с удачной торговли.

Большинство расставались с деньгами безропотно, даже с охотой. Довольный мужик со шкурой отсчитал несколько монет со звонким: «Нате, уважаемый Юрген, тут с лихвой!». Женщина с тканью, чуть помедлив, достала из узелка один обол.

Но находились и другие. Один угрюмый детина, продавший, видимо, дрова, долго копался в кошеле, делая вид, что считает, и вручил лишь пару медяков. Старший, Юрген, лишь хмыкнул, взвесил монеты на ладони и ткнул пальцем в его ещё полную телегу:

— С этого воза должно быть не меньше пяти. Или ты мне сейчас всю выручку покажешь, или завтра с бароном сам будешь разговаривать.

Мужик, буркнув что-то невнятное, нехотя достал ещё три монеты.

Лично для меня всё складывалось более чем хорошо. Проблемы налогов и недовольных плательщиков меня не касались. Более того, меня даже не касалось то, что кто-то мог опоздать и не успеть вернуться. Это были головная боль и ответственность старшего, Юргена. Моя задача была выполнена чисто и в срок: портал открыт, караван вернулся.

Баронесса Илона нашла своего супруга в главной башне — небольшой, уютной комнате под самой крышей с широким окном, выходящим на подступы к замку. Вальтер фон Хольцберг стоял у этого окна, опершись о подоконник, и с мягкой, довольной улыбкой наблюдал за происходящим внизу. С высоты было прекрасно видно, как на полянке у стен копошились люди и телеги, вытекающие из мерцающего портала, а рядом, чуть в стороне, стояла неподвижная фигура в синей мантии — их нового порталщика.

— Вальтер, — позвала Илона, входя. Её голос, обычно такой ровный, звучал слегка напряжённо.

Барон обернулся, улыбка не сходила с его лица.

— Илона, иди сюда, посмотри! Наш первый торговый караван вернулся. Отличное начинание.

Но баронесса не подошла к окну. Она остановилась посреди комнаты, слегка теребя складки своего платья.

— Вальтер, мне нужно поговорить. О нашем... приобретении. Я только что беседовала с Лианой. Служанкой, что учит его грамоте.

— И? — барон поднял бровь, его интерес сместился с каравана на супругу.

— Она говорит, что он показывает слишком хорошие успехи. Неестественно хорошие для неграмотного селянина. Он... он схватывает всё на лету. Будто уже знал, но забыл. — Илона сделала паузу, понизив голос. — Я начала думать... а что, если он не наш? Не имперец. Прибыл из соседнего королевства Эльфории... или даже из более дальних краёв. Возможно, переместился сюда через свои же порталы, и у него... какие-то цели. Нехорошие планы. Или он скрывается от чего-то.

Барон слушал, и постепенно его улыбка превратилась в снисходительную усмешку. Он подошёл к жене и положил руку ей на плечо.

— Милая моя Илона, — произнёс он мягко, но с лёгким упрёком. — Пора перестать поглощать твои любимые романы про злокозненных архимагистров, меняющих облик, и несчастных красавиц в башнях. В них, я уверен, тоже есть портальщик-злодей, который под видом простодушного парня проникает в замок, чтобы похитить волшебный артефакт или сердце прекрасной дамы.

Илона надула губы, но барон продолжил, уже более серьёзно:

— Я лично беседовал с его наставником, магистром Элрианом. Тот заверил меня, что парень — самый что ни на есть бывший селянин. Из глухой деревни. Но с головой на плечах и с редкостным, почти инстинктивным даром к пространству. Да, он схватывает быстро. Потому что он не дурак. Он показал усердие в Академии и выдающиеся успехи в магии, несмотря на все трудности. — Вальтер снова взглянул в окно на неподвижную фигуру Андрея. — Он не шпион и не злодей, дорогая. Он просто... очень способный молодой маг, которому не повезло с происхождением и слишком повезло с талантом, что и привело его к нашим дверям. И этим талантом мы и будем разумно пользоваться.

Объяснение мужа, подкреплённое авторитетом магистра, подействовало. Напряжение в плечах Илоны спало, хотя в уголках губ ещё играла обида за критику её литературных вкусов.

— Возможно, ты прав, — вздохнула она. — Просто... такая лёгкость пугает.

— Нечего пугаться, — обнял её барон. — Лучше подумай, как этим воспользоваться.

Позже, вернувшись в свой будуар, Илона увидела у двери ту самую служанку, Лиану, скромно ожидавшую новых указаний. Баронесса жестом велела ей войти.

— Девочка, — начала Илона, уже без тени былой тревоги, а с лёгким раздражением. — Ты у меня мнительная дурочка. Я поговорила с бароном. Твой ученик — не посланный ренегат, а просто очень способный молодой человек.

Она подошла к книжному шкафу, потянулась и сняла с полки ещё одну красочную, в картонном переплёте книжку — «Приключения Озорного Гнома».

— Вот, продолжай обучать его. И, Лиана... — баронесса окинула девушку оценивающим взглядом. — Ты сегодня выглядишь... скромно. Чересчур скромно. Подбери что-нибудь получше. Платье, которое... подчеркнёт твои достоинства. Ты молода, недурна собой. А наш

мастер, несмотря на свой статус, молодой мужчина. С перспективами. Очень неплохая партия для умной девушки. Подумай об этом. Мужчину нужно не только учить, но и... вдохновлять.

Она многозначительно вложила книгу в слегка дрожащие руки служанки. Лиана покраснела до корней волос, смущённо пробормотала что-то вроде «Слушаюсь, госпожа» и почти выбежала из комнаты, прижимая к груди детскую сказку и совершенно новые, смущающие и волнующие мысли.

Глава 4

4

С чувством выполненного долга я, довольный, возвращался в замок. На сегодня моя работа по договору с бароном была завершена: два портала, караван туда и обратно. Четырнадцать оболлов в полном объёме я должен был получить.

Войдя в свою комнату, я даже не успел скинуть мантию, как услышал стук в дверь. Я немного удивился — гость должен был идти практически по моим пятам или же стоять в ожидании моего возвращения. Слишком уж быстро.

— Войдите.

Дверь открылась, и в комнату вошла моя учительница, Лиана. И я сразу подметил изменения в её облике. Румянец на её щеках был ярче обычного, будто от смущения или быстрой ходьбы. Но главное — её наряд. Раннее скромное платье нежно-голубого цвета сменилось другим, из более тонкой ткани цвета спелой вишни. И вырез... Вырез был куда более откровенным, обнажая заметную часть груди, которая, впрочем, всё ещё скрывалась за неизменным, ослепительно белым и накрахмаленным передником.

— Мастер Андрей, добрый вечер, — произнесла она, и её голос звучал чуть тише, чем обычно. — Я... я подумала, что в обучении грамоте главное — практика. Чем больше вы будете читать, тем легче знание будет укладываться. Можно продолжить?

Она держала в руках новую, такую же яркую книжку.

— Конечно, Лиана, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал естественно. — Вы совершенно правы.

Я достал второй стул, и мы снова сели рядом за столом. Она бережно раскрыла книгу. Запах, исходящий от неё, изменился. Прежде это был лёгкий цветочный шлейф, может, от мыла. Теперь же в воздухе витало что-то сладковато-пряное, с ноткой тёплой кожи и, возможно, каких-то духов — неуловимых, но настойчивых. Запах был притягательным, будоражащим, и от него становилось чуть жарче.

Урок пошёл по новому сценарию. Сначала она, как и вчера, зачитывала слово по слогам: «Во-л-шеб-ный...». Я повторял. Но потом она, лишь указав пальцем на следующее, дала мне прочесть его самому: «...лес». Поначалу я спотыкался, но она терпеливо ждала, лишь изредка мягко поправляя: «Не "паро-да", а "по-ро-да". Смотри, тут буква "О", а не "А"». Дальше — больше. Она предлагала мне прочитывать целые словосочетания, а затем и короткие предложения. «Волшебный лес был полон... тайн». Процесс захватывал, но периферийным сознанием я всё равно отмечал её близость, этот новый запах и то, как складки её платья лежат совсем иначе.

Урок, как и в прошлый раз, завершился словно по сигналу. В дверь постучались, и вошла другая служанка — та самая, кормилица, с подносом, на котором дымился ужин. Окончание урока и предстоящая еда я воспринял с облегчением. Ситуация, как мне показалось, начинала

накаляться не в смысле угрозы, а в ином... Гормоны давали о себе знать самым естественным и неудобным в данный момент образом.

В связи с чем я не решился встать со стула, не желая демонстрировать свою возбуждённость. С другой стороны, в поведении мастера магии то, что он не вскочил при появлении служанки с едой, было само собой разумеющимся — всё-таки не он должен суетиться. Пока ужин размещался на столе — сегодня это была запечённая в горшочке птица с овощами и гречневая каша с грибами, — я наблюдал.

И тут я сделал вывод, увидев разницу. Кормилица была женщиной лет тридцати, может, чуть старше, с добрым, уставшим лицом и спокойными движениями. А Лиана... юная, расцветающая, явно одетая сегодня с определённым умыслом. «И всё-таки надо не забыть узнать имя той, первой, — подумал я, глядя, как старшая служанка аккуратно расставляет миски. — Хорошая женщина. И блюда у неё всегда вкусные».

Обе служанки, закончив свои дела, удалились, снова оставив меня в одиночестве с ароматным ужином и целым роем новых, сложных мыслей.

Насладившись очень вкусной кашей с мясом и пропустив кружку-другую отменного кваса, я, едва проглотив последний кусок, поспешил покинуть свою комнату. Цель была проста и благородна: отточить новую технику перемещения через порталы на расстоянии прямой видимости. Если же говорить честно, то я отчаянно хотел избежать очередного вечернего «занятия грамотой» с моей внезапно преобразившейся учительницей. Её новый образ и тот, другой, запах создавали в комнате напряжение, с которым мне было не по себе.

Выйдя за ворота, где стражи вновь лишь молчаливо козырнули, я направился к знакомой поляне. Без лишних раздумий я открыл портал к той самой кривой сосне на опушке — шаг — и вот я уже стою возле неё, вдохнув полной грудью прохладный, пахнущий хвоей и свободой воздух. Замок отсюда казался игрушечным.

Удалившись на это относительно безопасное расстояние, я, наконец, позволил себе думать. И мысли эти, отточенные опытом жизни в моём мире, были безрадостными.

Это неспроста. Совсем неспроста та самая служанка, Лиана, что ещё вчера была скромным цветком в простом платье, сегодня предстала в откровенном наряде, подчёркивающем каждую линию её молодого тела. Её внезапное преображение было таким же тонким и не прозрачным намёком, как и неловкость в её поведении. Её ко мне аккуратно подводят. Как приманку.

И вот здесь вставал главный, скользкий вопрос. А кто она? В этом обществе с его чёткими сословными градами ответ мог быть разным. Простая наёмная служанка? Маловероятно, учитывая степень контроля барона. А если она крепостная? Прикреплённая к земле и к хозяину. Или, что ещё хуже, рабыня? Я смутно помнил рассказы Лоризна — да, в отдалённых баронствах подобные пережитки ещё могли существовать.

Если я, мастер магии, вступлю с ней в какие-либо «интересные отношения», меня могут элементарно обязать жениться на ней. Чтобы «смыть позор» или просто привязать меня к месту намертво. А если она крепостная или рабыня, то женитьба на ней, по их законам, может автоматически понизить и мой статус. Из вольного мастера я превращусь в такого же зависи-

мого человека, а то и в собственность барона вместе с женой. Даже если до этого не дойдёт, меня заставят её выкупить. Влезу в долг перед бароном, который станет удобным рычагом давления на всю оставшуюся жизнь.

Перспектива становиться героем дешёвого романа про соблазнённую служанку и благородного рыцаря меня не прельщала. Совсем.

Я сделал резкий шаг в сторону, открыл новый портал — на этот раз к одинокому валуну у ручья, метрах в четырёхстах. Шагнул. Шум воды заглушил тревожные мысли, но не развеял их.

Вывод напрашивался сам собой. От этой девушки нужно держаться подальше. Вечерние занятия в уединённой комнате — отменить. Полностью избегать её общества не выйдет, но все уроки нужно проводить днём, на людях, в каком-нибудь открытом дворе или хотя бы с приоткрытой дверью. Чтобы не было намёка на уединение, на возможность чего-то большего.

Следующий портал я открыл уже к дальнему изгибу дороги, ведущей в горы. Шаг. Замок теперь был лишь тёмным силуэтом на фоне заката. Я перемещался всё дальше, не столько отработывая технику, сколько пытаюсь физически отдалиться от этой паутины интриг и расчётов, в которую меня так ловко начали заманивать.

Очередной портал вывел меня на крутой пригорок, с которого как на ладони открылся вид на деревню. Небольшую, будто вжавшуюся в землю. Это было владение барона Вальтера фон Хольцберга во всей его неприукрашенной простоте.

Короткие, извилистые улочки больше походили на тропинки между заборами. Домики были срублены из нетолстых, потемневших от времени брёвен, их крыши из тёса и дранки кривились под собственной тяжестью. Между домами с важным видом разгуливали куры и гуси, поклёвывая что-то. С дальнего конца, подгоняемые парой босоногих ребятишек с хвостинами, неспешно брели домой с пастбища небольшое стадо овец и пара неторопливых коров. Взрослые были заняты делом: мужик у сарая с вилами убирал навоз в телегу; женщины, согнувшись в пояс, пололи грядки на огородах, где зеленели листья капусты и торчала ботва каких-то корнеплодов. Тишину нарушал лишь лай собаки, мычание коровы да отдалённые окрики погонщиков.

Живописно. Грубо, бедно, но удивительно цельно. Картина законченного, замкнутого мирка, живущего по своим, вечным законам. Вечернее солнце уже почти коснулось зубцов далёких гор. Пора было возвращаться.

Я открыл портал обратно на поляну у замка. Неспешной, уставшей походкой я прошёл через ворота, кивнув стражам, и получил в ответ их почтительный, молчаливый поклон.

Войдя в свою комнату, я обнаружил на столе тот же самый сюрприз, что и прошлым вечером: деревянная миска, накрытая белой льняной тряпичей, и скромный кувшинчик. После долгой вечерней прогулки аппетит разыгрался не на шутку. Я с удовольствием уплетал все три оставленных мне пирожка с сытной картофельно-мясной начинкой, обильно запивая их тем самым хмельным квасом.

Перед тем как лечь спать, я внимательно осмотрел дверь. Замка как такового не было, но обнаружился архаичный, но надёжный запор: на косяке торчал массивный железный крюк, а

на двери — прочная петля. Я защёлкнул крюк в петлю с глухим, удовлетворяющим щелчком. На всякий случай. Чтобы избежать неожиданных визитов вроде внезапно «заблудившейся» или слишком усердной учительницы.

Утро началось с того же ритуала. Едва я проснулся и потянулся, как в дверь постучали. Я встал, отщёлкнул свой импровизированный запор и разрешил войти.

В комнату вошла знакомая служанка — кормилица. В одной руке у неё был поднос с завтраком, в другой — тазик и ведёрко с паром. Она молча, с привычной эффективностью, расставила всё на столе, приготовила всё для умывания и замерла в ожидании. Я подошёл, она полила мне на руки тёплую воду, я умылся и обтёрся полотенцем. Только когда она, забрав посуду для омовения, уже направлялась к выходу, я спохватился.

— Спасибо вам, — сказал я ей вслед. Она обернулась, и в её усталых, добрых глазах мелькнуло удивление. — Всё очень вкусно.

Она кивнула, на её губах дрогнула тень улыбки, и она вышла. И тут я с досадой поймал себя — я снова не спросил её имя. Хорошая женщина. Надо будет обязательно узнать.

Оставшись один, я приступил к завтраку — снова яичница-глазунья с парой поджаренных колбасок. Настал новый день. Сделав последний глоток травяного напитка, я накинул на себя серую мантию мастера, уже привычную и ощутимую на плечах, и вышел из комнаты, направляясь к полянке за стенами замка, чтобы снова приступить к своим утренним обязанностям.

Вышел из комнаты и почти бегом направился к воротам замка. Чувство было неприятным — мне не хотелось заставлять барона ждать. Но, пройдя мимо стражников и выйдя из ворот, я понял, что тревожился напрасно.

Барона на поляне не было. Вероятно, вчера он просто хотел лично оценить мои возможности, а сегодня, убедившись, счёл это излишним. Его уверенность в моих навыках льстила, но и накладывала ответственность.

Вместо него я увидел вереницу телег и копошащихся вокруг людей, которую тот самый старший, Юрген, пытался привести в хоть какое-то подобие порядка. Я подошёл ближе, окидывая взглядом это живое, шумное хозяйство.

Телег насчитал двенадцать. Картина была, мягко говоря, пёстрой. Несколько повозок выглядели вполне сносно: крепкие колёса, целые борта, плотная упряжь. Лошади в них были упитанными, с гладкой шерстью, и стояли спокойно, будто понимая свою ценность. Их погонщики — мужики в опрятных, хоть и поношенных, одеждах — смотрели уверенно.

Но были и другие. Повозки, скреплённые, казалось, лишь молитвами и обрывками верёвки, с кривыми, скрипящими на каждое движение осями. Лошадки в такой упряжи были тощими, с проступающими рёбрами и потухшим взглядом. Их хозяева — мужички — суетились больше от страха что-то упустить, чем от деловой хватки. Контраст между добротным хозяйством и нищетой был разительным и говорил больше любых слов о жизни в этом баронстве.

Пешая часть каравана была не менее разнообразна. Мужики, согнувшиеся под тяжестью туков с шерстью или связками лука. Женщины с перекинутыми через плечо авоськами, откуда доносилось недовольное квохтанье кур, и плетёными корзинами, накрытыми тряпицами. Одна девушка несла лукошко, откуда плыл сладкий запах свежей выпечки — видимо, булочки или пирожки.

И снова меня удивил один мужик. Он стоял рядом с деревянной одноколёсной тележкой, до боли напоминавшей садовую тачку из моего мира. В ней были добротнo сложенные, аккуратно напиленные и расколотые поленья. Даже дрова. Значит, и на этот простой товар в городе был спрос, и люди везли его, чтобы выручить лишний медяк. Это было одновременно и поразительно, и грустно.

Я подошёл к началу этой импровизированной колонны, к тому самому месту, где вчера открывал портал. Ко мне тут же подкатил старший караванщик. Его лицо сегодня было ещё более озабоченным.

— Мастер Андрей, доброго здоровья!

— Здравствуйте, Юрген, — вежливо кивнул я. — Люди готовы к отправке?

— О, конечно, готовы! — он махнул рукой в сторону толпы. — Как только портал откроется, сами организованно пройдут, не сомневайтесь!

Я лишь улыбнулся в ответ, прокручивая в голове скептическую мысль о «самоорганизации» этой разношёрстной, галдящей толпы. Но спорить не стал. Дело не в порядке, а в результате.

Я отступил на шаг. Сосредоточился. Воздух передо мной сгустился, задрожал и с ровным, уверенным гудением развернулся в широкую, стабильную арку портала. Сквозь неё уже были видны залитые утренним солнцем шпили и крыши Веленира.

Демонстративно, не глядя на начинающий ахать и суетиться караван, я развернулся и отошёл в сторону, предоставив Юргену и его «организованным» людям решать, как именно они будут проходить в это окно в другой мир. Моя часть работы была сделана. Остальное — их забота и их надежда на удачный торг.

Вальтер фон Хольцберг стоял у окна в главной башне, отхлёбывая утренний травяной настой. Внизу, у подножия стен, копошился оживший муравейник — его торговый караван. С высоты были отлично видны все двенадцать телег и суетящиеся вокруг них точки-люди.

«Ну вот, собрались наконец», — подумал он с привычной смесью ответственности и лёгкой усталости.

И тут на поляну вышел мастер Андрей. Одинокaя фигура, резко контрастирующая с пестротой толпы. Барон прищурился, следя за каждым движением. Молодой маг не стал ждать, не вступал в препирательства. Он просто отступил на шаг, и... воздух перед ним затрепетал, словно нагретый над костром. Затем возникла та самая арка — ровная, стабильная, окно в другой город.

На лице Вальтера расплылась улыбка — довольная и немного язвительная. Он наблюдал не за магией, а за тем, что началось дальше. Как только портал стабилизировался, его караван мгновенно забыл про всякий порядок. Пешие, толкаясь и крича, бросились к арке, пытаясь опередить телеги. Возничие орали, пытаясь сдержать рванувшихся вперёд лошадей. Одна телега, та самая, совсем древняя, зацепилась колесом за кочку, и её едва не развернуло поперёк толпы, вызвав новый визг и ругань. Барон покачал головой, но без злобы. «Как дети, ей-богу. Каждый боится, что его игрушку заберут». Он видел, как Юрген метался, как безумный, пытаясь хоть как-то направлять этот поток.

Наконец, заехала последняя, самая растрёпанная телега, и в портал, припадая на ногу, но не выпуская из рук тюка, проскочил хромой селянин. Арка тут же схлопнулась.

Мастер Андрей ещё несколько секунд постоял на месте, словно давая себе отчёт в выполненной работе, а потом развернулся и быстрым, уверенным шагом направился обратно к воротам замка.

«Хорошо работает, — с удовлетворением отметил про себя барон, отходя от окна. — Деловито. Это хорошо».

Портал схлопнулся. Я постоял ещё мгновение, ощущая лёгкую, приятную пустоту после расхода сил. Работа сделана. А что делать дальше?

Если честно, мне дико понравилось вчерашнее упражнение — перемещение порталами на расстояние прямого взгляда. Это было как новая игра, открывающая невиданную мобильность. Но хотелось усложнить задачу, сделать её более... непрерывной.

Сначала, однако, стоило забрать ту самую книгу — трактат магистра Альдрика. Барон вручил её не просто так. Возможно, во время прогулки я найду укромное место, где смогу спокойно попробовать вникнуть в её содержание, не опасаясь внезапных визитов служанок с уроками или ужином.

Приняв этот план, я поспешил в свою комнату. Энергичным шагом я прошёл через ворота, кивнув стражам, пересёк внутренний двор, где жизнь уже шла своим чередом, и влетел в свою келью. Книга лежала на столе, там, где я её и оставил. Я подхватил её, ощутив под пальцами шершавую кожу переплёта, и засунул во внутренний карман мантии, где она удобно легла, не мешая движениям.

Глава 5

5

Через пару минут я снова был за стенами, на свежем воздухе. Время экспериментов.

Я не стал открывать портал далеко. Просто малый, шагов на пятьдесят вперёд, к одинокому кусту можжевельника. Но в этот раз я не просто шагнул в него. Я сделал шаг, и, когда моя правая нога уже оказалась по ту сторону, в новом месте, я быстро, почти инстинктивно, взглядом отыскал следующий ориентир — не куст, а серый валун на пригорке метрах в ста левее.

Не выводя первую ногу из портала окончательно, я, удерживая связь с пространством, тут же открыл второй портал. Выход из первого оказался... входом во второй. Я перенёс вторую ногу, и вот я уже целиком стоял у валуна, а первый портал, оставшийся без поддержки, тихо схлопнулся у меня за спиной.

Это было... невероятно. Как будто я не шагал, а перетекал из одного разрыва в другой, не останавливаясь. Напрягала лишь необходимость молниеносно концентрироваться на новом ориентире.

«Вон, кривая берёза у ручья», — мелькнуло в голове. Шаг — и я уже открываю следующий портал к ней. Нога на новой земле — и взгляд уже ищет дальше: «Высокий пенёк, поросший мхом». Снова портал. Шаг.

Я шагал, вернее, порталил, и, несмотря на дикое напряжение внимания, внутри всё пело от восторга. Это был качественно новый уровень контроля.

Примерно на тридцатом таком «шаге» я наконец остановился, чтобы перевести дух и оглянуться. И обомлел.

Замок, ещё недавно возвышавшийся над всем как величественная, неприступная твердыня, теперь казался маленьким, почти пятнышком на горизонте, едва различимым на фоне громады гор. Я ушёл так далеко. Ранее мои переходы в знакомые города были несравнимы с этим. Это была не привязка к конкретному месту, а движение в неизвестность. Туда, куда глядят глаза. Такими темпами, если развить навык и выносливость, я и вправду мог уйти невероятно далеко.

Я огляделся и вдалеке заметил одинокое, по всей видимости сваленное сильным ветром, дерево. Его огромный ствол лежал с вырванными корнями на склоне холма. Действие уже стало почти инстинктивным: лёгкий мысленный захват, едва ощутимое усилие — и портал развернулся передо мной. Я шагнул и вышел практически вплотную к нему.

Здесь было тихо и уединённо. Солнце грело бок дерева, превращая его в идеальную импровизированную скамью. Я скинул мантию, расстелил её на древесине и уселся, с наслаждением вытянув ноги. Затем аккуратно достал из внутреннего кармана книгу магистра Альдрика.

Я открыл её на первой же странице с текстом.

«Трактат о манипуляции нитями, составленный магистром Альдриком для пользы учеников, идущих по стезе тончайших искусств».

Заголовок я прочёл медленно, по слогам, водя пальцем под строчками. Потом началось введение. И оно меня зацепило. Это была не сухая инструкция, а почти философское наставление, написанное витиеватым, но ясным слогом.

«...и да узрит взирающий, что пространство не есть пустота, но ткань, и манипуляции с оной суть не грубое рвание, но искуснейшая вышивка. Артефакт же есть узел на сей ткани, закрепляющий узор, дабы он служил тебе, а не распускался в небытие. Посему первое правило: аккуратность. Вливание силы — капля за каплей, дабы не прожечь основу. Начертание символа — рука тверда, да дух спокоен, ибо кривая черта обратит благодать в погибель. Второе: бережность. Артефакт не молот, им не забивают гвозди. Он — твой союзник, хрупкий и требовательный. И третье: почтение к знанию, коим ты одарён, ибо лишь дурак тычет пальцем в небо, не изучив сперва карту звёзд...»

Далее следовало пространное, полное самомнения восхваление автора — «...по милости моих изысканий, кои снискали благосклонность самого архимагистра...» — но я пропустил это, листая дальше. Чтение поначалу давалось трудно, но я ловил себя на том, что всё реже спотыкаюсь, всё чаще узнаю слова и схватываю смысл целыми предложениями, а затем и абзацами. Это было как разгоняться на велосипеде: первые метры — тяжело, а потом набираешь скорость и уже летишь, почти не глядя на дорогу.

Наконец, я долистал до первой практической главы. Заголовок гласил: «О сотворении малого вместилища, или сумки пространственной».

Я впился в текст.

«Для сего потребуются, во-первых, основа. Сумка кожаная, добротнo сшитая, лучше — с заплочной лямкой, дабы руки свободными оставались. Не экономь на кожевеннике, ибо дырявая основа погубит весь труд. Во-вторых, состав для письма: клей растительный, вываренный из коры дуба верхового, смешанный до консистенции жидкой сметаны с серебряным порошком высшей очистки. Серебро есть проводник и закрепитель. В-третьих, вязь...»

Далее шёл причудливый рисунок — узор из переплетающихся линий, стрелок и мелких значков, которые должны были быть нанесены по внутренней верхней части сумки, вкруговую. Пояснялось, что каждый завиток отвечает за «запечатывание границ внутреннего кармана от вмешательства внешней реальности».

И, наконец, финальный аккорд:

«...и в место сие, где сходятся начала и концы вязи, надлежит вшить камень драгоценный. Рубин — предпочтительней, ибо огонь его стабилизирует отлично. Камень не менее ногтя мизинца. В сей камень, по завершении начертания, надлежит направить приличную долю силы, ухваченную прямо из пучка нитей, и впечатать оную в него, дабы камень сей стал якорем и сердцем вместилища. Носи же с почтением, и да послужит тебе».

Я закрыл глаза, держа книгу на коленях. В голове звучали слова: «добротнo сшитая сумка... серебряный порошок... вязь... рубин... приличная доля силы». Это был рецепт. Чёт-

кий, сложный, дорогой, но рецепт. И он открывал дверь в нечто совершенно новое. Не просто открытие прохода из пункта А в пункт Б, а создание постоянной, портативной вещи с магическими свойствами.

Мысль о том, чтобы самому попробовать это сделать, зажгла внутри знакомый, жадный огонёк азарта и любопытства. Но сначала нужно было раздобыть ингредиенты. И, что куда важнее, понять, как именно «впечатывать» силу в камень, не угробив при этом и камень, и сумку, и, возможно, себя. Я снова открыл глаза и уставился на сложный узор в книге.

Ингредиенты. Мысли о них метались в голове, выстраиваясь в навязчивый список: клей, серебряный порошок, камень, сумка. Мне срочно нужно было в Веленир. Теория без практики была бесполезна.

Я встал с дерева, отряхнул мантию и, почти не задумываясь, открыл портал, чтобы вернуться к поляне у замка. Но едва я шагнул в арку, меня окутал не звук тишины и спокойствия, а знакомый густой гомон, смешанный аромат пряностей, жареного мяса и человеческого пота. Я огляделся — и обомлел. Я стоял не у стен замка, а прямо на порталльной площади Веленира.

Я сам удивился тому, что только что произошло. Подсознательно, с места, я открыл портал не туда, куда планировал, а туда, куда желал попасть всей душой в этот момент. Это открытие было одновременно потрясающим и пугающим. Значит, сила реагировала не только на чёткий образ, но и на сильное, сфокусированное желание. Это вдохновляло, но и напрягало невероятно. Чётче, надо чётче формулировать и визуализировать цель. А то как-нибудь ненароком окажешься на порталльной площади Столицы с самыми неприятными последствиями.

Выдохнув, я смешался с толпой. Теперь у меня была конкретная задача. Я шёл по оживлённым улочкам, вчитываясь в вывески. Большинство были картинками — сапог над дверью, крендель, колесо. Но кое-где уже встречались и надписи. «Хлеб», «Мясо», «Оружие». Я читал их про себя, чувствуя странную гордость. Наконец, мои поиски увенчались успехом: вывеска с изображением реторты, свитка и пучка трав, а под ними — аккуратная надпись: «Магические ингредиенты и компоненты. Гелвина».

Лавка пахла сушёными травами, воском и ещё чем-то незнакомым. За прилавком стоял худощавый мужчина — сам мастер Гелвин. Я, стараясь говорить уверенно, изложил свой список: клей, серебряный порошок, и... небольшой драгоценный камень-накопитель, желательно рубин.

— Рубин размером с ноготь? — переспросил Гелвин, оценивающе глядя на мою мантию. — Это вам не медяк. Тридцать оболгов только за камень. Весь комплект... выйдет тридцать восемь.

Хорошее настроение от удачного «прыжка» и азарт предстоящего дела сделали меня смелее.

— Тридцать восемь? За горсть пыли и камушек? — я сделал вид, что разворачиваюсь к выходу. — Думаю, на Рыночной улице будет дешевле. И качественней.

— Погодите, погодите, молодой мастер! — засуетился Гелвин. — Тридцать шесть! Последняя цена. Камень отменный, без трещин, из личной коллекции.

Торг, как игра, удался. Я отсчитал тридцать шесть обол, получил аккуратно завернутые в пергамент баночку с клеем, мешочек с порошком и бумажный конвертик с рубином. Следующей целью была лавка кожевенника. Вывеска была без слов, просто висящая шкура. Внутри я выбрал самую добротную, мягкую, но прочную сумку из тёмной кожи, с широкой лямкой. Ещё два обол. С огорчением обнаружив, что после покупок в моём кошельке осталось всего лишь три монеты. Кстати, а как должен проводиться расчёт с бароном? Этот вопрос повис в шуме улицы.

Возвращаясь на порталную площадь, я с удивлением обнаружил, что наш торговый караван уже не разрозненная толпа, а почти собранная колонна. Телеги стояли в ряд, люди, уже без прежней суеты, ждали у своих пожитков. Только сейчас до меня дошло, сколько времени я потратил на свои покупки. Солнце уже миновало зенит.

Я подошёл к Юргену, который с видом полководца обзирал свои войска.

— Готовы? — спросил я.

— Как всегда, мастер! Ждали только вас! — бодро отрапортовал он, и я поймал на себе несколько десятков нетерпеливых взглядов.

Что ж, заставлять ждать дальше было невежливо. Я отошёл на необходимое расстояние, сконцентрировался на образе поляны у замка и открыл портал. На этот раз я не стал наблюдать. Просто отступил, пропуская шумный поток телег, тюков и людей обратно в их мир. И, когда последняя телега скрылась в переливах, шагнул в арку сам, став замыкающим каравана.

Оказавшись у знакомых стен, я, не задерживаясь, почти бегом поспешил в свою комнату. Внезапно навалившаяся усталость и дикий голод напоминали о себе. Я с беспокойством думал о том, что обед, который должна была принести добрая женщина, наверняка уже остыл. Придётся есть холодное. Но даже эта мысль не могла омрачить чувства глубокого удовлетворения: день был прожит не зря.

Ах, как же я ошибался! Обед был с пылу, с жару. Умопомрачительно вкусный, наваристый суп с крупными кусками мяса и овощей и ломоть только что испечённого, хрустящего хлеба стали для меня настоящей наградой за насыщенное и, главное, активное утро. Я съел всё с волчьим аппетитом и запил напитком, очень похожим на сладкий компот из сухофруктов.

Навалившееся чувство сытости и глубокого удовлетворения потянуло меня к кровати. Не знаю откуда, наверное, из прошлой жизни, в голове промелькнули слова: «После вкусного обеда, по закону Архимеда, полагается поспать». Я лёг, уткнувшись лицом в прохладную наволочку, и тут же, без всяких переходов, провалился в тёмный, беззвёздный сон.

Не знаю, сколько я проспал, но по ощущениям — не более двух часов. Меня резко выдернули из глубин забытья настойчивые стуки в дверь. Такая вероломная побудка, однако, не испортила настроения — я всё ещё пребывал в благодушной послеобеденной эйфории. Я поднялся с кровати, накинул мантию и разрешил войти.

Гостем, как я и ожидал, оказалась служанка-учительница, Лиана. Вспомнив свои вчерашние выводы, я внутренне напрягся, но внешне сохранил вежливую отстранённость.

— Мастер Андрей, — начала она, слегка смущённая, — не желаете ли продолжить занятия грамотой? Практика, как говорится...

— Благодарю, Лиана, — мягко, но твёрдо прервал я её. — Сегодня, к сожалению, не смогу. Очень срочные дела. Магические изыскания, требующие полной концентрации. Мне необходимо поработать самостоятельно.

На её лице мелькнуло разочарование, но она лишь кивнула.

— Как пожелаете, мастер.

Я немного подумал и решился на просьбу.

— А вот, Лиана, если это возможно... Мне нужна небольшая ёмкость. Для... смешивания магических ингредиентов. Скорее всего, она будет одноразовой, пользоваться ей после будет нельзя. И ещё — кисть для начертания. Не слишком широкая.

Удивительно, но она никоим образом не возразила. Не сослалась на отсутствие полномочий или запреты.

— Конечно, мастер Андрей, — сказала она, и в её глазах даже блеснул интерес. — Я с удовольствием. Сейчас всё принесу.

Её не было не больше двадцати минут. Когда она вернулась, была румяной и запыхавшейся — явно торопилась. На подносе она принесла две небольшие, тщательно выструганные деревянные мисочки и две кисти — одну поуже, другую чуть шире. Я поблагодарил её, и она, сделав реверанс, покинула комнату.

Как только дверь закрылась, я выложил на стол все свои драгоценные приобретения. Свёрток с клеем и серебряной пудрой, конвертик с рубином, новую кожаную сумку. Я раскрыл трактат магистра Альдрика на нужной странице и перечитал фрагмент о составе.

Затем принялся за дело. В одну мисочку я кое-как вылил вязкий, тёмно-янтарный дубовый клей. В другую насыпал серебряную пудру. Медленно, кистью тщательно перемешивая, я начал добавлять пудру в клей, добиваясь консистенции «жидкой сметаны». Получилась мерцающая, тягучая субстанция, в которой играли миллионы серебряных искр.

Я подвинул стол так, чтобы лучи солнца падали прямо на край сумки. Обмакнув кисть в состав, о край миски вытер излишки, приступил к самому ответственному — начертанию вязи. Я высунул язык от сосредоточенности, выводя первые каракули. Каждый завиток, каждый символ требовал невероятной точности. Я сверялся с книгой после каждого движения, боясь ошибиться. Время текло незаметно, но солнце неумолимо клонилось к горизонту. Тревога начала подкрадываться: света оставалось всё меньше, а работы — ещё много.

И тут, словно по волшебству, в дверь снова постучали. Я, раздражённый срывом концентрации, рывкнул:

— Войдите!

В комнату вошла та самая, старшая служанка. В её руках был роскошный, тяжёлый медный подсвечник с тремя толстыми свечами, которые горели ровным, ярким светом. Раздражение моё мгновенно сменилось облегчением и благодарностью.

— Простите, мастер, — тихо сказала она. — Подумала, вам свет потребуется.

— Вы... вы просто спасли меня! — воскликнул я искренне. — Поставьте, пожалуйста, здесь, рядом. Огромное вам спасибо! — Лиана, ещё одна просьба, последняя. Мне нужна крепкая игла и прочные нитки. Можно?

— Сейчас же принесу, мастер! — она снова умчалась, и через несколько минут положила рядом со мной на стол огромную, похожую на парусную, иглу и катушку вощёных льняных ниток.

Выведение последних линий вязи под светом свечей было почти медитативным. Затем, с непривычки уколовшись пару раз, я принялся пришивать рубин к месту схождения узора. Стежок за стежком, аккуратно, прочно. И вот, наконец, камень был надёжно закреплён, сверкая кровавым огнём в свете пламени.

Я откинулся на стуле, чувствуя, как по всему телу разливается волна глубочайшего удовлетворения. Артефакт был готов. Почти.

В этот момент в дверь снова постучали. На этот раз вошла старшая служанка с ужином. И только сейчас я понял, что дико голоден. Я даже удивился про себя: почему его не принесли раньше?

Служанка, словно читая мои мысли, тихо извинилась:

— Простите, мастер. Не хотела отвлекать вас от важного дела.

На подносе дымилась тарелка с аппетитной кашей с мясом и овощами, лежал свежий овощной салатик с зеленью и стоял кувшинчик с хмельным квасом. Я наелся от пуза, чувствуя себя победителем.

Потушив свечи, я только присел на кровать, собираясь раздеться, но тело решило само. Волна усталости от напряжённой работы, магии и эмоций накрыла с головой. Я завалился на кровать как был, в мантии, и погрузился в глубокий, беспробудный сон.

Там, где глаз гостя видел лишь стену, умело раскрашенную растительным орнаментом, скрывался узкий, пыльный коридорчик шириной в два локтя, который находился прямо за стеной комнаты мастера Андрея. Он не значился ни на одном плане замка. Его спроектировали специально по прямому указанию прадеда нынешнего барона: «Гости, кто бы они ни были, не должны быть предоставлены сами себе. Ради их же блага и нашего спокойствия».

И сейчас в этом закутке, недвижимо, как тень, стоял Ганс. Он был не просто соглядатаем. Он был кукловодом, обеспечивающим пребывание «гостя». Именно Ганс, уловив через скрытые отверстия — искусно замаскированные орнаментом на стене — работу над артефактом, недостаток освещения в комнате, отдал тихий приказ служанке с подсвечником, одновременно

обеспечив мастера необходимым инструментом — иглой и ниткой. Всё было чётко, без суеты, как хорошо отлаженный механизм. Пища появлялась вовремя, просьбы исполнялись, а нежелательные посещения — мягко пресекались.

Сейчас его работа была окончена. Ганс бесшумно отступил от стены, его мягкая обувь не издала ни звука на каменном полу потайного хода. Знакомыми ему коридорами он прошёл к кабинету барона. Постучал трижды, с равными промежутками — условленный знак.

— Войди, Ганс, — донёсся из-за дубовой двери голос Вальтера фон Хольцберга.

Слуга вошёл, закрыл за собой дверь и замер в почтительной позе.

— Ну что, старый друг? Какие новости от нашего мастера? — спросил барон, откладывая перо. В его тоне не было высокомерия, лишь деловое любопытство.

— Новости занятные, господин барон, — начал Ганс своим тихим, ровным голосом. — Весь вечер мастер был поглощён созданием некоего артефакта. Судя по приобретённым в городе компонентам — пространственной сумки.

Он подробно, с мельчайшими деталями, которые уловил его зоркий глаз, описал весь процесс: как Андрей, сосредоточенно высунув кончик языка, словно малец, выводящий первые буквы, кропотливо выводил кистью серебряные завитки на коже. Как пару раз морщился, неудачно тыкая себя иглой при попытке пришить камень, и тихо ругался себе под нос словечками, которых Ганс никогда не слышал.

Небольшая улыбка тронула строгие губы барона. Он представил эту картину.

— Высунул язык, говоришь? — он тихонько фыркнул. — Наш серьёзный мастер оказывается большим ребёнком, когда дело доходит до рукоделия. Ну что ж, это даже мило. Значит, голова работает, а руки делают.

— Именно так, господин барон, — кивнул Ганс. — Усердие невероятное. Свечи ему подали вовремя, иглу с ниткой — тоже. Весь в работу погрузился.

— И что, получилось у него? — в голосе барона прозвучал живой интерес, уже без тени насмешки.

— Что-то он завершил, господин барон, — ответил Ганс, слегка разведя руками. — Сумка лежит на столе, камень пришит, вязь начертана. Но проверил ли он её действие... этого я сказать не могу. Мастер заснул, едва поужинав, прямо в мантии. Судя по всему, проверку эффектов отложил на утро. Возможно, сразу после отправки каравана.

— Разумно, — заключил барон. — После такой концентрации силы нужны. Хорошо, Ганс. Благодарю тебя. Продолжай наблюдать. Мне интересно не только что он делает, но и как он мыслит.

— Слушаюсь, господин барон, — Ганс склонил голову в безупречном поклоне и так же бесшумно, как и появился, скользнул за дверь, чтобы снова раствориться в коридорах замка.

Глава 6

6

В самом сердце столицы, в самом престижном районе, стоял особняк герцога Игниуса. Но сейчас его роскошные залы были погружены не в сияние хрустальных люстр, а в гнетущую полутьму. Не из-за жадности, а из-за траура. И нежелания видеть кого бы то ни было, кроме собственной ярости.

В одной из длинных, похожих на склеп, комнат с тяжёлыми тёмными портьерами тускло мерцали всего две свечи. Их свет едва цеплял края массивного дубового стола, за которым сидели двое. В янтарной глубине хрустального бокала, наполненного на одну треть выдержанным бренди, отражалось искажённое болью и гневом лицо герцога. Напротив него, съёжившись в кресле, сидел магистр Горм. Его обычно надменная осанка была сломана, алое одеяние казалось просто куском тряпки в этом поглощающем свет мраке.

— Как? — голос герцога не был громким. Он был низким, вибрирующим, как натянутая струна, готовая лопнуть. — Как ты, магистр, допустил? Дуэль. Простолюдина. С моим сыном. С Мирсом. Наследником. Надеждой нашего рода.

Каждое слово падало, как удар хлыста. Горм вздрагивал.

— Ваша светлость... воля Мирса была непреклонна... Он... он жаждал личного удовлетворения... Кто я такой, чтобы перечить представителю вашего могущественного дома? — его голос звучал сипло и неуверенно, попытка переложить ответственность была жалкой и очевидной.

— «Удовлетворения»? — герцог язвительно передразнил его, и его пальцы сжали бокал так, что костяшки побелели. — Он намеревался назидательно покарать выскочку! Показательно! Испепелить тварь, возомнившую о себе!

— Ваша светлость...

— Я знаю, что он думал! И это было правильно! Но для этого не нужна была дуэль! Для этого нужны были тишина, темнота и верные руки! А вы... вы устроили цирк! При свидетелях! Из благородных семей!

Его голос начал набирать силу, переходя в рычащий крик.

— И что «вышло»?! Что «ВЫШЛО», магистр?! Моего сына, лучшего пироманта своего поколения, разорвало его же силой! Его, Игниуса, опозорили и уничтожили магией пространства, уловкой, грязным фокусом какого-то быдла! И всё это на глазах у всей элиты Академии! Вы... вы все в той проклятой академии — дураки! Вредители! Недостойные звания учителей! Нужно было просто закинуть это ничтожество в подвал! Сломать ему ноги, чтобы не убежал! Затем судить и казнить! Переломать все кости и четвертовать на площади, как пример всем! А не доводить до публичного позора!

Он откинулся в кресле, резко поднёс бокал к губам и сделал долгий, обжигающий глоток. Алкоголь, казалось, немного сбил пламя ярости, обратив его в ледяную, смертоносную твер-

дось. В комнате повисла тяжёлая, давящая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием магистра.

— Где он сейчас? — спросил герцог, и его голос стал тихим, плоским, как лезвие бритвы.

— Служит... — проглотил Горм, — у барона Вальтера фон Хольцберга. Это далеко на границе...

Герцог даже не повернул головы. Его взгляд, остекленевший от горя и ненависти, был устремлён в темноту за спиной магистра.

— Иво, — произнёс он тем же тихим, властным тоном, обращаясь в пустоту.

Из глубины комнаты, бесшумно, словно материализовавшись из самого мрака, возникла фигура. Высокий, сухопарый мужчина в тёмно-сером, без единого украшения. Его лицо было непроницаемой маской, а глаза отражали только готовность.

— Возьми нашего портальщика. И десять верных людей. Достаточно верных. — Герцог медленно повернул бокал в пальцах, глядя на игру света в коньяке. — Привезите сюда этого негодяя. Живым. Мне нужна расплата. Настоящая. Не по правилам жалкой академии. По моим.

Иво, верный слуга, тень и правая рука герцога, склонил голову в бесшумном поклоне.

— Будет исполнено, ваша светлость.

Он растворился в тенях так же незаметно, как и появился. Магистр Горм почувствовал, как холодный пот стекает по его спине.

Проснулся утром разбитый, с ощущением, будто меня переехала одна из тех скрипучих телег. Вся шея затекла, отдавая тупой, настойчивой болью в основание черепа. Я удивился, обнаружив себя одетым, и только потом запомнил — завалился спать как был, в мантии, не в силах даже раздеться.

Стук в дверь отдался внутри головы оглушительным колокольным звоном. Я напрягся, стиснув зубы. Первым порывом было рывкнуть что-то злое. Но я сдержался, сглотнув ком раздражения. Это же служанка, которая пришла помочь умыться и принесла завтрак. На неё злиться — последнее дело.

— Войдите, — сипло произнёс я, одновременно снимая с себя помятую мантию.

Она вошла со своим неизменным набором: тёплая вода, тазик, полотенце, поднос. Я умылся, и тёплая вода немного прояснила сознание, смыв налёт дурного сна. Запах яичницы и колбасок, доносившийся со стола, заставил желудок предательски заурчать. Боль потихоньку отступала вместе с голодом, и настроение, хоть и нехотя, поползло вверх.

Позавтракав и запив всё горячим, сладковатым напитком, я почувствовал себя почти человеком. Накинув мантию, я вышел из комнаты и направился к месту своей работы — на полянку за стенами.

Возможно, мне показалось, но сегодня гужевого транспорта на поляне прибавилось. Телег стояло не десять и не двенадцать, а все пятнадцать. И пеших участников с узлами, корзинами и тюками за спинами было однозначно больше. Толпа гудела, как растревоженный улей. Завтрак придал сил, но не желания общаться. Мне хотелось одного: поскорее отбыть свою повинность и наконец-то, наконец-то опробовать ту самую, лично мной изготовленную пространственную сумку. Эта мысль была единственным светлым пятном в утренней серости.

Я молча, ни на кого не глядя, прошёл сквозь толпу к тому месту, где обычно открывал портал. Не говоря ни слова, даже не кивая старшему, я потянулся к нитям силы, пропустил их через себя — движение уже стало механическим — и сотворил портал. Арка возникла ровная, стабильная. Я мельком оценил её — размер в норме, колебаний нет — и отошёл в сторону, лишь коротко махнув головой Юргену в сторону портала.

И вот, наблюдая за тем, как эта живая река хлынула в мерцающий разлом, я подмечал всё сквозь призму своего дурного настроения. Раньше это казалось трогательным или деловитым. Сейчас — унылым и неприятным.

Неопрятные лошади. Не те две-три ухоженные, а большинство — тощие, с клочковатой шерстью, покрытые ссадинами от плохой сбруи. Одна, запряжённая в самую разваленную телегу, вообще стояла, опустив голову, и погонщику приходилось дёргать её за узду, чтобы сдвинуть с места.

Потёртые и грубо заштопанные одежды. Сплошная серая и коричневая посконная грубость. Рубахи с латками на локтях, портки, перешитые из чего-то старого. Лица, обветренные и усталые ещё до начала дня.

Грязные и поломанные телеги. Скрип, скрежет, треск. Одна, кажется, держалась только на молитвах и верёвках. Колёса бились о неровности, угрожая разлететься щепками. На них был навален товар для перепродажи — не аккуратные тюки, а какие-то бесформенные охапки, мешки с дырами, из которых сыпалась луковая шелуха.

Всё это казалось суетой людей, выжимающих последнее из своего нищенского быта.

Наконец, последний участник пересёк портал. Я, не тратя силы и время зря, закрыл портал, отсекая шум Веленира.

С облегчением, не оглядываясь на опустевшее место, я неспешно пошёл обратно к воротам замка. Теперь, наконец, можно было подумать о своём. О сумке. О магии, которая принадлежала только мне. Эта мысль гнала прочь утреннюю хмарь.

Барон Вальтер фон Хольцберг, владелец этих суровых земель, стоял у знакомого окна в главной башне. Его взгляд, привыкший выискивать детали, следил за отработанным ритуалом: мастер Андрей на полянке, возникновение арки и — оживление. Вереница телег, пешие фигуры с ношей — всё это, как мощный поток, устремилось в сияющий разлом. Последний селянин скрылся за мерцающей пеленой, портал захлопнулся, и Андрей, не задерживаясь, направился обратно к воротам.

На лице Вальтера играла тонкая, довольная улыбка. План работал. Не просто работал — он начинал давать плоды, которые он, как опытный владетель, уже предвкушал. Селяне почувствовали выгоду. Это был главный рычаг. Не приказы, не угрозы, а простая возможность зарабатывать. Как докладывал верный Ганс, они стали больше работать на земле, мастерить утварь — топорщица, ложки, прялки. Пекли уже не только для себя, но и на продажу — пироги, лепёшки. Солили и коптили птицу, расширяли загоны. Мужики, что было самым неожиданным, стали меньше пропивать скудные заработки — досуг теперь занимало не пьянство, а та же работа, сулящая завтра выгоду. Они учились друг у друга, перенимали удачный опыт соседа. И всё это — даже с учётом того, что каждый, продав своё, платил барону торговый сбор.

Барон уже собрался покинуть башню, чтобы заняться бумагами, как его взгляд зацепился за движение на дороге. Воздух задрожал, и прямо на пыльной грунтовке развернулся пространственный портал. Аккуратный, как у Андрея, ровный. И из него, один за другим, выехала дюжина всадников. Дерзко, без разведки, они ринулись галопом прямо к стенам замка.

Это было странно. И... интересно.

Барон с одобрением отметил реакцию своей стражи. Ворота с глухим стуком захлопнулись почти мгновенно. На стенах, как по мановению невидимой руки, появились дополнительные фигуры с арбалетами, занявшие позиции за зубцами. Ни паники, ни суеты — чёткие, отработанные движения.

«Нарушители спокойствия, — подумал Вальтер, и в его глазах загорелся азарт. — А развлечений-то у нас, в нашей глуши, не так много».

Он достаточно бодро вышел из башни, затем, не теряя достоинства, поднялся по узкой лестнице, ведущей прямо на стену над воротами. Ему самому было чертовски любопытно, что за нарядные гости свалились на его голову.

Гости эти были действительно «нарядными». Дюжина всадников в богатых, цветастых одеждах столичного покроя, без видимых доспехов, хотя опытный глаз отметил неестественную «жёсткость форм» под камзолами у некоторых — означающую скрытые латы или кольчуги, намекая на боевой опыт. Но не это было главным. В их осанке, в надменных лицах, в манере держаться в седле читалась не просто воинская выучка, а принадлежность к чему-то могущественному.

И они оправдали его догадку. Не дожидаясь даже формального оклика, один из всадников, видимо, старший, выдвинулся вперёд и крикнул, не скрывая высокомерия:

— Требуем немедленно говорить с бароном, владельцем этого замка! По приказу высочайшего господина!

Вальтер едва сдержал вырывающийся из груди хохот. Требуем. Какая прелесть. Они «требовали» у владетельного господина на его же земле. Их наглость была настолько ничтожна в своей глупости, что вызвала не гнев, а почти эстетическое любопытство.

Он сделал шаг вперёд, к самому краю стены, чтобы его было хорошо видно.

— Я слушаю, — произнёс он спокойно, но так, чтобы голос, усиленный едва заметным усилием воли, прокатился по всему пространству перед воротами.

— Тебе надлежит немедленно выдать человека по имени Андрей, бывшего ученика Академии, ныне находящегося у тебя на службе! — выпалил гонец, даже не попытавшись перейти на более уважительные формулировки.

А вот тут барону было уже не до смеха. Только холод. Они прискакали в его дом и требовали выдать его человека. Его порталщика. Его актив. Это касалось уже не абстрактных оскорблений, а самого принципа власти.

Барон Вальтер фон Хольцберг, скромный владетель пограничного баронства, был человеком скрытным. В Империи с уровнем магической силы дворян всё было не просто. Магистры, архимаги — это те, кто измерял свою силу на артефактах, обретая статус и положение. Настоящие же владетельные господа предпочитали, чтобы истинная мощь оставалась тайной, козырем в рукаве, сюрпризом для слишком самоуверенных врагов. И Вальтер был из таких. Его стихия — земля, камень. И его уровень давно перерос «магистра».

Желая раз и навсегда пояснить прибывшим, он не стал кричать, угрожать или спорить. Он просто пожелал.

Мгновение — и земля перед воротами, на расстоянии тридцати шагов от стен, содрогнулась. С глухим, зловещим скрежетом из неё мгновенно, будто чудовищные клыки, выросли острые каменные шипы. Не просто рядок, а целых пять рядов полумесяцем, остриём к всадникам. Каждый шип — выше лошадиной головы, острый, из тёмного, местного базальта. Они встали из земли не прямо, а под углом, нависая над дорогой, готовые пронзить любого, кто рискнёт двинуться вперёд. Демонстрация была молниеносной, и от этого более впечатляющей. Это была не атака, а чёткий сигнал: «Дальше — смерть. И я не шучу».

Эффект был мгновенным. Гордые столичные всадники замерли. Их лошади, почуяв первобытный ужас перед внезапно выросшей каменной опасностью, зафыркали, забились на месте. В глазах «требователей» высокомерие сменилось сначала изумлением, затем холодным расчётом и, наконец, осознанием глубочайшей ошибки. Они столкнулись не с задрипанным провинциальным бароном, а с магом, силу которого даже не пытались оценить.

Не сказав больше ни слова, они, как по команде, разом развернули коней. Рысь, перешедшая в галоп, и они понеслись обратно, к тому месту на дороге, где всё ещё мерцал их портал. Барон, стоя на стене, наблюдал, как они, не снижая скорости, один за другим влетают в переливающуюся арку. Последний всадник исчез, и портал за ним схлопнулся.

Барон спустился со стены. План с порталщиком становился интереснее с каждой минутой. Теперь в игре появился ещё и кто-то могущественный. А Вальтер фон Хольцберг всегда считал, что настоящее ведение хозяйства начинается тогда, когда ты можешь не только выращивать урожай, но и защищать его от чужих жадных рук.

Не спеша я дошёл до своей комнаты, подошёл к столу и взял в руки сумку. Прямо сейчас её хотелось опробовать. Но чем? Вопрос бился в голове. В комнате не было ничего подходящего — ни ящиков, ни камней, ничего объёмного, что могло бы продемонстрировать её чудо.

Я вышел во внутренний двор замка. Осмотрелся. Слуги сновали по делам, у коновязи стояли лошади... И тут мой взгляд упал на противоположную от ворот сторону. Там, у стены кузницы, лежала внушительная кучка старых кирпичей — рыжих, потрескавшихся, явно от какого-то разобранного строения. Идеально!

Я подошёл, огляделся — никто не обращал на меня внимания, — вспомнил, что в магическую вязь необходимо влить немного силы. Потянулся к нитям, пропустил немного силы через себя, столько, сколько требовалось для малого портала, представил, как сила магии протекает по начертанным символам и втекает в камень-накопитель. После чего открыл сумку и принялся за работу. Первый кирпич... исчез внутри, будто провалился в бездонный колодец. Второй, третий. Восторг начал разливаться по жилам. Работает! Объём, который никак не мог вместиться в эту плоскую сумку, покорно исчезал в ней. Я складывал кирпич за кирпичом, всё ускоряясь, заворожённый процессом. Пять, шесть, семь...

И тут возникла проблема. Сначала я просто почувствовал, как ремень врежется в плечо. После седьмого кирпича мне пришлось поставить сумку на землю — её попросту тяжело было удержать на весу. Я продолжил закидывать в неё кирпичи. И когда сороковой рыжий брусок скрылся внутри, я попытался поднять своё творение.

Никаких шансов. Сумка лежала на земле, как прикованная цепью. Она была безразмерной по объёму, но вес всех этих кирпичей никуда не делся. Вес просто... сосредоточился в одной точке. Поднять эту точку было выше моих сил. Крайнее разочарование ударило по мне холодной волной. Так артефакт работать не должен! Значит, я где-то ошибся. Напутал в вязи, в начертании, в чём-то.

С тяжёлым вздохом, чувствуя себя полным неудачником, я принялся вытаскивать кирпичи обратно. Каждый казался ещё тяжелее. Когда сумка, наконец, опустела и стала снова лёгкой, я, сгорбившись от досады, поплёлся обратно в комнату. День, который начался так паршиво, продолжал катиться под откос.

Глава 7

7

Я бросил сумку на стол, уселся рядом и снова раскрыл трактат. Надо было найти ошибку. Я водил пальцем по серебряной строчке, сверяя каждый завиток с книжным образцом. Минуты шли, и я уже начал сомневаться, а потом... заметил. Совсем небольшой участок. Несколько символов в самой середине вязи были выведены... в зеркальном отражении. Я начертил их не так, как в книге, а перевёрнутыми, вверх ногами! От радости у меня даже дыхание перехватило. Не фатальная, но критическая ошибка! Её можно исправить!

В этот самый момент в дверь постучали. Вошла Лиана с новой книжкой в руках.

— Мастер Андрей, желаете продолжить...

— Лиана, выручите, — перебил я её, стараясь, чтобы в голосе звучала не раздражённость, а деловая спешка. — Заниматься сейчас, к сожалению, не могу. Но мне срочно нужен острый нож. Или лезвие, бритва. Чтобы... подправить кое-что.

Она на мгновение замерла, её взгляд скользнул по разложенным на столе компонентам и сумке, потом кивнула без лишних вопросов.

— Сейчас, мастер.

Она вернулась очень быстро, принесла небольшой, но отточенный сапожный нож с коротким крепким лезвием. Поблагодарив её, я снова остался наедине с артефактом.

Теперь началась ювелирная работа. Я взял нож и принялся аккуратно, стараясь не повредить кожу, соскабливать ошибочно нанесённые, перевёрнутые руны. Пыль серебряной пудры и засохшего клея смахивал пальцем. Затем я снова размешал в оставшейся мисочке свежий состав — клей с серебряным порошком. Взял кисть, теперь уже увереннее, и стал заново выводить символы. Медленно, скрупулёзно, сверяясь с книгой после каждой черты. На этот раз — правильно. Каждый завиток ложился так, как было задумано магистром Альдриком.

Когда последняя линия была завершена, я отложил кисть. Но на этом не остановился. На всякий случай. Я закрыл глаза, ухватил знакомый пучок силовых нитей, пропустил магию через себя и мягко направил её поток в исправленную вязь. Представил, как сила побежала по серебряным дорожкам, заполняя руны, и устремилась к рубину.

Теперь я почувствовал удовлетворение. Настроение, наконец, улучшилось. Оставалось только снова проверить сумку.

Перекинул лямку сумки через плечо и поспешил к выходу. В дверях, не глядя, чуть не снёс с ног служанку, несшую мой обед. Деревянный поднос качнулся, миска с крышкой угрожающе скользнула к краю.

— Простите, простите! — выпалил я, ловя взгляд её широких, испуганных глаз. — Очень спешу! Обедать буду позже!

Не дожидаясь ответа, я рванул дальше, чуть слыша за спиной её тихое: «Да ничего, мастер...»

Груда кирпичей у стены кузницы никуда не делась. Рыжие, пыльные, неказистые. Подойдя к ней, я остановился. Внезапная иррациональная робость сжала горло. А вдруг снова? Вдруг ошибка не в этом, и я снова упрусь в неподъёмную тяжесть?

Я набрал воздуха, словно собираясь нырнуть в ледяную воду, наклонился, схватил первый, самый верхний кирпич. Замер на секунду, глядя на тёмный зев сумки. Затем — решительно сунул его внутрь.

Кирпич исчез. И... и вес не изменился. Совсем. Я замер, прислушиваясь к ощущениям в мышцах плеча, к давлению ремня. Ничего. Сумка висела, как пустая.

Получилось! Я даже встряхнул сумку обеими руками, держа за лямку. Она болталась, абсолютно невесомая. Хохот, дикий и радостный, рвался наружу.

— Ну что, продолжаем эксперимент? — прошептал я сам себе и взял второй кирпич. Исчез. Третий, четвёртый, пятый... Сумка оставалась пустой. Не просто лёгкой — невесомой. Я огляделся по сторонам, ища глазами кого-нибудь, кто видел бы мой триумф. Но двор был пуст. Никого. Только я и моё чудо.

Азарт охватил меня. Я стал запихивать кирпичи один за другим, уже не считая, ища предел. У меня даже рука устала поднимать и бросать их в бездонный зев. Наконец, я собрался с мыслями и продолжил считать. Тридцать... тридцать три... тридцать четыре. Тридцать четыре полновесных, тяжелых кирпича исчезли в плоской кожаной сумке. Я взял тридцать пятый, попытался просунуть — и он упёрся в невидимую, но абсолютно твёрдую преграду. Попробовал снова, надавил — нет. Не лез. Значит, вот он, предел. Тридцать четыре. Тридцать четыре кирпича, которые весили... ничего. Ну а то, что объём и вместимость уменьшились, — не беда, это с лихвой компенсируется отсутствием веса.

Радость была такой всепоглощающей, что я зажмурился, вдыхая пыльный воздух. Получилось. Я сделал это.

Потом я стал вытаскивать их обратно. И это было не менее удивительно. Просовывая руку в сумку, я тут же нащупывал кирпич. Не кучу, а именно один кирпич, лежащий или стоящий... ребром. Да, именно ребром, так, чтобы его было удобно схватить. Я вынул его, отложил, сунул руку снова — и следующий уже лежал точно в таком же, идеальном для захвата положении. Я достал его. И снова. Это было волшебство упорядоченное, разумное. «Блин, как это работает?» — прошептал я, смеясь уже вслух.

Выложив все тридцать четыре кирпича обратно в аккуратную, теперь уже рукотворную кучку, я, расправляя плечи, пошёл к своей комнате. Война войной, а обед по расписанию. И я уже нарушил график, заигравшись.

В комнате на столе стояла деревянная миска с крышкой, рядом — тарелка с хлебом. Аромат свежее испечённой буханки наполнял всё пространство, тёплый, уютный. Рядом скромно стоял кувшинчик. Я сбросил сумку на кровать, приподнял крышку. Пар ударил в лицо. Суп,

густой, по консистенции очень похожий на гороховый. С кусочками мяса. «Вот бы этими кусочками оказались копчёные свиные рёбрышки», — мелькнула мысль.

Кто-то могущественный явно услышал мои мысли. Это были — копчёные рёбрышки. Аромат дымка, жирка и гороха свёл с ума. Как давно я не ел этого? Не помню. Последний раз... никогда в этой жизни. Я съел всё, не останавливаясь, обмакивая хлеб в гущу, запивая хмельным, чуть терпким квасом. И затем просто залип на стуле, ощущая сытость, блаженство и глубочайшую благодарность к безымянному повару.

И тут меня дёрнуло, как током. Блин! Работа! Я опаздываю! Задержался с обедом, заигрался с кирпичами, а там же люди ждут!

Чуть ли не бегом я выскочил из комнаты и припустил к воротам. Выскочив на поляну, я, почти без подготовки, нащупал нити и раскрыл портал — стандартный, средний, транспортный. Шагнул в него, взглядом сразу же отыскивая Юргена. И наши взгляды пересеклись мгновенно — он стоял у своей телеги и тоже высматривал меня в открывшемся портале.

Я нарочито небрежно кивнул головой в сторону портала. Мол, я здесь, жду не дождусь, пора бы уже. Пусть думает, что это я жду караванщиков, а не они меня. Суета началась немедленно. Караван тронулся, лошади, телеги, люди — всё потянулось в сияющий разлом, торопясь домой, в баронство. Вслед за последней телегой шагнул в портал и я с чувством выполненного долга.

Возвращаясь в свою комнату, я уже обдумывал новый вопрос: а сколько может стоять такая штука? Созданный мною артефакт? Сначала подумал спросить у Лианы, но сразу отогнал эту мысль — откуда девчонке знать о ценах на магические артефакты? Следующим кандидатом на вопрос был Ганс. Старый, серьёзный, выдавший виды. Он наверняка в курсе цен на всё. Да, так и сделаю.

В кабинете барона Вальтера фон Хольцберга царила рабочая тишина, нарушаемая лишь скрипом пера и шелестом бумаг. В дверь постучали — три чётких, почтительных удара.

— Войди, Ганс.

Старый слуга вошёл бесшумно, закрыл дверь и замер в привычной позе, сложив руки на животе. Его пергаментное лицо было, как всегда, непроницаемо, но в глазах, острых, как у старого коршуна, светилась искра живого интереса.

— Что там, старый друг? — отложил перо барон.

— Докладываю, господин барон, — начал Ганс своим тихим, размеренным голосом. — Касательно мастера Андрея. Он добился успеха. Пространственная сумка, над которой он трудился, создана и успешно опробована.

Барон приподнял бровь, его пальцы переплелись на столе.

— Подробнее.

— После утреннего открытия портала и перехода торгового каравана в Веленир, мастер Андрей вернулся в комнату, исправил обнаруженную ошибку в начертании. Затем, в обеденное время, отложив трапезу, вышел во двор и провёл испытание на той же куче кирпичей у кузницы, — Ганс говорил, словно читал с невидимого листа, отмечая каждую деталь. — Загрузил тридцать четыре штуки. Сумка сохраняла невесомость. Мастер был... весьма удовлетворён. Оглядывался, искал взглядом свидетелей своего триумфа. После испытания вернулся в комнату, пообедал и проследовал на точку для послеобеденного возвращения каравана. Портал открыл уверенно, без задержек.

На лице Вальтера расплылась медленная, довольная улыбка. Он кивнул, одобрительно хмыкнув.

— Тридцать четыре кирпича... Вполне приличный объём для такого артефакта. Молодец. Упорный. И талантливый. Это многое говорит о его потенциале. Спасибо, Ганс. Отличные новости.

Слуга склонил голову, принимая похвалу.

— Также доложу, господин барон: караван только что вернулся. — Он опустил руку в глубокий карман своей добротной, просторной куртки и вынул оттуда увесистый, туго набитый кожаный кошелек. С лёгким глухим стуком, говорящим о содержимом, он положил его на край стола. — Сегодняшний торговый сбор.

Барон благожелательно кивнул, лёгким движением руки смахнул кошелек в открытый ящик стола. Монеты мягко звякнули о дерево.

— Спасибо. А теперь, Ганс, будь добр, пригласи ко мне мастера Андрея. Под видом... ну, скажем, оплаты его работы.

В дверь постучали. Вздохнув, я крикнул:

— Войдите!

За дверью оказался слуга барона Ганс.

— Мастер, вас ожидает барон. Соблаговолите со мной пройти, — с порога заявил он без тени сомнения в голосе.

Первое, что промелькнуло в голове: «Расчёт за три рабочих дня!». Мысль приятно согрела. Я кивнул и последовал за ним, на ходу поправляя складки мантии.

Мы шли недолго, сначала вверх по узкой лестнице, затем через галерею с высокими окнами. Наконец остановились у резной дубовой двери. Слуга, не дожидаясь ответа на свой стук, толкнул её и отступил в сторону, пропуская меня.

Я переступил порог и оказался в незнакомом кабинете. Первое впечатление — уменьшенная и более «живая» копия библиотеки. Та же атмосфера старого дерева, воска и пергамента. Стеллажи, забитые книгами и свитками, до самого потолка. Но здесь, в центре, стоял не

просто стол, а монолит из тёмного дуба, массивный, добротный, с отполированной столешницей. За этим столом, в высоком кресле с прямой спинкой, сидел барон Вальтер фон Хольцберг.

Он отложил в сторону перо и жестом, скорее дружеским, чем повелительным, отпустил слугу. Тот бесшумно исчез, притворив дверь. Барон обвёл меня оценивающим взглядом и показал на кресло напротив.

— Присаживайся, Андрей. Рад тебя видеть.

Голос был спокойным, даже тёплым.

— Надеюсь, ты не против, если мы опустим часть церемоний, — начал барон, откидываясь на спинку кресла. — Твоя работа по открытию порталов... приносит плоды. Большие, больше чем я ожидал. Торговый оборот с Велениром за три дня вырос в разы. Селяне прониклись идеей. И это — твоя заслуга.

Он потянулся к выдвижному ящику стола, открыл его и достал оттуда небольшой мешочек из грубого холста. Положил его на стол между нами с глухим, приятным звоном.

— Оплата за три дня. Сорок восемь оболов.

— Благодарю вас, господин барон, — сказал я искренне. — Я очень рад сотрудничеству. И... отдельное спасибо за содержание. Комната, питание... всё на высшем уровне.

Барон махнул рукой, как бы отмахиваясь от чего-то незначительного.

— Пустяки. Я выполняю договорённости. Ты — свою часть, я — свою. В этом и состоит порядок вещей. — Он помолчал, его взгляд стал чуть более пристальным. — Кстати, о твоей части... Помимо порталов, ты, как я понял, не теряешь времени даром. Пространственная артефакторика — занятие сложное. Не каждому дано с первой попытки добиться результата.

Я сначала удивился. Откуда он знает? Но почти сразу в памяти всплыла старая, истёртая поговорка: «И у стен есть уши».

— Да, — подтвердил я, решив не юлить. Скромность сейчас была бы глупой. — Удалось создать одну вещь. Пространственную сумку.

На губах барона появилась лёгкая, одобрительная улыбка.

— Так я и думал. Уверен, она получилась на славу. И, если ты не против моего любопытства... Могу я взглянуть на это чудо?

Вопрос был задан мягко, но в нём чувствовалась стальная воля. Отказать было невозможно. Да и не хотелось. Мне и самому хотелось похвастаться.

— Конечно, — кивнул я. — Желаете, чтобы я принёс её сейчас? Она лежит у меня на столе.

— О, не стоит тебе лишний раз бегать, — барон покачал головой, и в его глазах мелькнула хитрая искорка. — Если ты, конечно, не возражаешь, мой слуга сам её принесёт. Буквально за пару минут.

Я на мгновение задумался. А что, собственно? Пусть слуга потрудится. Зачем зря ноги тереть.

— Не возражаю, — согласился я.

Барон тут же взял со стола небольшой, изящный серебряный колокольчик. Два чистых, звяющих звука разрезали тишину кабинета. Дверь открылась почти мгновенно, и в неё вошёл тот же самый слуга. Без стука, без слов, замер в ожидании.

— Сходи в комнату мастера Андрея, — распорядился барон. — На столе лежит кожаная сумка. Аккуратно принеси её сюда.

Слуга склонил голову и так же бесшумно удалился.

Мы ждали в тишине. Барон перебирал какие-то бумаги, я изучал узоры на дубовой столешнице. Через несколько минут слуга вернулся. В его руках, бережно, как хрупкую реликвию, лежала моя сумка. Он положил её перед бароном и снова исчез.

Барон взял её в руки. Повертел, ощупал швы, потрогал рубин. Его пальцы осторожно провели по серебряной вязи.

— Хм, — удовлетворённо хмыкнул он. — Работа... честная. Чувствуется старание. И, как я слышал, вполне функциональная. Тридцать четыре кирпича, говорили?

Я только кивнул, наблюдая, как он оценивающе щупает кожу.

— Отличный инструмент для путника, торговца или солдата, — заключил барон, откладывая сумку в сторону. — Я ценю практичные вещи. И талант. Поэтому готов предложить тебе за неё... пять полновесных серебряных сиклей.

В голове мгновенно завертелись расчёты. Пять сиклей — это пятьдесят оболлов. Себе-стоимость — тридцать шесть плюс два за саму сумку. Прибыль двенадцать оболлов. Неплохо. Но... я вспомнил рассказы Лориэна ещё в академии, его гордые слова: «За самый простенький артефакт начального уровня дают золотую крону!». Золотая корона — это сто оболлов. Барон предлагал в два раза меньше!

Чувство несправедливости, острое и обидное, кольнуло меня. Моё творение... Оно стоило больше!

— Господин барон, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, но без вызова. — Спасибо за предложение. Но... так не делается. За примитивный артефакт начального уровня дают крону. А это — полноценный пространственный артефакт. Надёжный, проверенный, полезная вещь. Её цена... должна быть иной.

Барон замер, его брови слегка поползли вверх. Не со злости, а скорее с удивления. Потом он медленно, по-доброму улыбнулся, как взрослый, которого попытался перехитрить смыслённый ребёнок.

— Прямолинейно. Честно. Мне это нравится, — произнёс он. — Ты прав, конечно. Золотая крона — справедливая цена для полезного артефакта. Но всё же я должен был попробовать, — он развёл руками, изображая лёгкую вину. — Привычка, ничего не поделаешь.

Он снова открыл тот же ящик стола, порылся в нём и вынул оттуда одну-единственную монету. Положил её на стол рядом с холщовым мешочком. Монета была не серебряной. Она была золотой. С чуть потёртым профилем какого-то мужика, возможно императора.

— Вот. Золотая крона, как и полагается, — сказал барон, и его голос снова стал тёплым, одобрительным. — И ещё раз спасибо за отличную работу. И за прямоту. Ценю это.

Он явно сворачивал разговор, давая понять, что деловая часть окончена. Я понял намёк.

— Благодарю вас, господин барон, за справедливую оплату, — встал я. — И за беседу.

— Всего доброго, Андрей. Удачи в твоих изысканиях.

Я взял со стола холщовый мешочек, ощутив приятную тяжесть серебра. Золотую монету на мгновение задержал в ладони, а затем бережно опустил в глубокий карман мантии. Кивнул на прощание и вышел из кабинета.

В коридоре меня уже ждал тот же слуга. Молча, он проводил меня до двери моей комнаты. Закрыв дверь, я прислонился к ней спиной. В одной руке — мешочек с ободами. В кармане — золотая крона. И странное, двойственное чувство на душе: удовлетворение от честной сделки и лёгкий, холодный осадок от осознания, что каждый мой шаг здесь видят и оценивают. Но что ж... пусть оценивают. Главное — чтобы платили. И платили хорошо.

Глава 8

8

С чувством, которое можно было описать как «лёгкость бытия, подкреплённая звоном монет», я направился к своей комнате. Сорок два обода в мешочке и один увесистый золотой кругляш в кармане мантии. Я уже прикидывал в уме: на новые ингредиенты для следующей сумки хватит с лихвой, можно даже не экономить на клее или выбрать серебряную пудру получше. Но вместе с приятными расчётами в голове вертелась другая мысль, более амбициозная. Мне помогла книга. Та самая, которую дал барон. Трактат магистра Альдрика. Если в ней был описан один артефакт, почему бы не быть и другим? И не каким-нибудь простеньким, а чем-то... более ценным. Мысль о создании чего-то уникального, не просто утилитарной сумки, а настоящей магической диковины, заставляла сердце биться чаще.

Войдя в комнату, я сразу же взял со стола книжицу. Без лишних раздумий, как и в прошлый раз, я сунул её во внутренний, глубокий карман мантии. Времени до ужина было ещё много, и сидеть в четырёх стенах, рискуя снова попасть под обаяние и настойчивость Лианы, не хотелось категорически. У меня была новая техника перемещений, которую надо практиковать и развивать. Техника порталных прыжков — «Куда глаза глядят», решил я её так назвать.

Вышел за ворота замка. Выбрал первый ориентир — куст у дороги. Сосредоточился, потянул нити силы. Быстрый портал, шаг — и я уже там. Второй ориентир — небольшой пригорок. Я специально выбирал новый маршрут в качестве тренировки. Пятый... Огляделся. Обратил внимание на громаду горы.

— Почему бы не прогуляться к горе. Сказал я сам себе.

Портал, шаг. Еще за пару порталов я достиг вершины.

Вид, открывшийся с вершины, захватил дух. Огненный шар солнца медленно погружался за горизонт, окрашивая небо в багровые, золотые и пурпурные тона. Внизу раскинулась долина — зелёная, с извилистой лентой реки, крошечными деревушками и тёмными пятнами лесов. А у подножья, уходя вглубь горы, темнели входы в штольни — те самые рудники, что приносили барону богатство.

— Красота-то какая, — выдохнул я, делая шаг вперёд, чтобы лучше рассмотреть долину за горой.

И в этот момент нога предательски поехала.

Мелкие камни посыпались из-под подошвы, и я, взмахнув руками, потерял равновесие. Мир кувыркнулся, небо и земля поменялись местами, и я покатился вниз по склону.

— А-а-а! — крик вырвался сам собой, заглушаемый грохотом осыпающихся камней.

Спина с глухим стуком встретила с острым выступом. Боль вспышкой пронзила позвоночник. Я перевернулся, пытаясь затормозить, но скос был слишком крутым. Голова мотнулась, ударившись о камень — в глазах потемнело, но сознание удержалось.

— Чёрт! Чёрт! — хрипел я, судорожно хватаясь за всё подряд.

Руки вцепились в пучок жёсткой травы — травинки резали ладони, но удержали лишь мгновение, вырвавшись с корнем. Пальцы скользнули дальше, царапаясь о камни, сдирая кожу до крови. Новый удар — плечом о выступ, ещё один — бедром. Кусты, попадавшие на пути, хлестали по лицу, оставляя жгучие следы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.